

Влад Озер

из ВДВ СА

в аэромобильные войска

ВСУ

Влад Озер
Из ВДВ СА в аэромобильные
войска ВСУ. ВДВ
после распада СССР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42571333

ISBN 9785449675385

Аннотация

Из содержимого этого тома читатель узнает некоторые подробности о распаде СССР на примере развала ВДВ в одной из десантных дивизий, дислоцированной на юге Украины.

Содержание

КИРПИЧЕНКО	70
МЕДИЦИНСКИЙ БАТАЛЬОН	73
БАСЮЛ	79
КОЗЛЮРА	82
ЖИДЛЕНКО	85
КОШЕЛЬ	90
МАРТЫНОВ	96
НЕТРЕБКО	98
ВОРОБЬЕВ	101
СЕКРЕТАРША	104
ПАНАЕТ	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

**Из ВДВ СА
в аэромобильные
войска ВСУ
ВДВ после распада СССР**

Влад Озер

© Влад Озер, 2019

ISBN 978-5-4496-7538-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Возвращение в Болград

[Владимир Озерянин](#)

см. ФОТО: КЭП, командир полка, п-к В. Вознесенский.

Народная мудрость гласит, что нельзя дважды ступить в одну и ту же реку, но и здесь бывают исключения. Можно, если вода стоячая. Так и я ступил второй раз в 299 полк.

Для начала отгулял очередной отпуск за текущий год.

Благо, в пределах ВДВ пока еще ничего в службе не порушилось. Пока восстанавливал «подорванное» в средней Азии здоровье, потихоньку присматривался к тому, что творится в бывшей «моей» дивизии. Здесь последствия госпереворота отразились не столь сильно, как в 105 ВДД. Само по себе соединение было мощное, со своей длинной военной и мирной историей, и дух советского воспитания был достаточно силен. Любое неосторожное касание со стороны вновь формируемых руководств России и Украины могло обойтись для них непредсказуемыми последствиями. Офицерский коллектив дивизии был взбудоражен и на взводе, не смотря на то, что она находилась на периферии, но даже на БМД и колесной технике могло зайти далеко.

Поэтому на верхах для выпуска пара было придумано временное название СНГ и дивизия пока- что перебивала в эфемерном подчинении единого командования этих стран, как и ракетные войска стратегического назначения. С развалом Союза 98 воздушно-десантная дивизия просуществовала в Болграде еще два года. В дивизии за время моего отсутствия появился новый начальник политотдела. Вместо старого «балетмейстера» А.Г., пришел молодой и нахрапистый, полковник Крамарев. (Злые языки утверждали, что он свою фамилию в свое время переделал из галичанской, которая в детстве звучала как Крамарив).

Он, в отличие от Ферганского начпо Лопухи, не поддался новым московским веяниям, не растерялся, не плакал, как его азиатские коллеги, а сохранил в кулаке всех своих подчиненных, фактически удержал дивизию от преждевременного развала.

Отпуск, как обычно, пролетел быстро и незаметно. Отлежался, оклемался, пора и к службе приступать в новом для меня качестве. За время бездельничания навел справки о положении дел в полку и непосредственно в медицинской службе полка и дивизии. Оказывается, что моего предшественника уволили за дебош и беспробудное пьянство. Средний медицинский персонал, те, у кого было рыло в пушку, узнав о моем возвращении в полк, разбежались кто-куда. Мадам Шуликова успешно перебазировалась санитарным инструктором в батальон материального обеспечения (ОБМО). Прапорщик Пизанкина осталась в полку, но переехала из своего уютного гнездышка-физкабинета в зенитно ракетный дивизион. Ее бывший покровитель и воздыхатель, командир полка К.В., пока я околачивался в Азии, благополучно перевелся в мир иной. Двойные половые нагрузки, командование полком и беспробудное пьянство оказались непосильными, даже для закаленного организма десанта.

В полку рулил, какой – то очередной командир полковник

Вознесенский. К нему – то, в первую очередь, и направил стопы свои, дабы представиться, но оказалось, что он болеет, и находится в инфекционном отделении гарнизонного госпиталя. Ну, что же, мы люди не гордые, посетим командира и в заразном бараке, но прежде всего навещаю моего старшего знакомого, майора Бочарова, начальника инфекционного отделения. От него узнаю, что мой теперышний, как его называют в полку, кэп, находится здесь на излечении по поводу так называемой «лихорадки Ку» или по другому – коксидиоз.

Болезнь не смертельная, но довольно неприятная, как и все инфекции. О существовании очага этой заразы в Болградском районе я имел информацию давно. Пути передачи и заражения у нее различные, но чаще всего через такой местный продукт, как брынза. А так как он сожительствовал с одной местной «красавицей», то и ничего удивительного.

Стучусь в одноместный бокс. На голос разрешения, захожу в палату. Высохший до почернения, с запавшими щеками и черными кругами под глазами, полковник сидел на кровати с опущенными на пол ногами. В наброшенном для проформы на плечи халате захожу, приветствую полковника и негромко, с учетом места нахождения, представляюсь. Полковник, сидя, подает мне вялую кисть. И смотрит круглыми выпученными глазами далеко не дружелюбно.

– Присаживайтесь, товарищ капитан. Извините, что я вынужден знакомиться с вами в несоответствующей обстановке. Вы как, тоже будете гоняться за мною по полку с ружьем?

– Ни в коем случае, товарищ полковник. Если между нами когда-либо и возникнут проблемы, то надеюсь, что мы сможем решить их более мирным путем.

Мне уже доложили, что мой предшественник, майор Заворуев, действительно, в состоянии белой горячки покушался на жизнь командира полка. Также я догадывался о том, что кэпа уже по всей видимости просветили насчет того, что я начинал в этом полку службу лейтенантом. И у кое-кого остались обо мне не самые приятные воспоминания. Вот отсюда -то и его настороженность в глазах.

По – быстрому обсудив текущее состояние медицинского обеспечения в полку, мы расстались. Командиру до выписки из стационара оставалось еще пару дней, а я потопал принимать дела и должность, хотя это громко сказано, принимать нечего и не у кого. Предшественник уже на пенсии, но без пенсии, начальника МПП вообще пока нет. Временно все и за всех исполняет обязанности начальник аптеки прапорщик Елена Королева. Смазливая, двадцати восьми лет бабенка. Вся ее красота, как у вокзальной шлюхи: синяки вокруг глаз и жирно намазанные красной помадой губы.

Бывший когда-то при мне начальник аптеки прапор Недялков, отбывал ссылку в артиллерийском полку в Веселом Куту фельдшером дивизиона. Он, находясь в состоянии белой горячки, стрелял в жену и соседей из ракетницы, за что его по просьбе жены и большому блату, не уволили, а только заперли к черту на кулички.

Сдаю свое предписание в строевую часть. Мое появление в форме на территории полка воспринимается неоднозначно. Кто в курсе, а их меньшинство, с пониманием. Кто уверен, что я служу в Фергане, с удивлением и догадками. Надо сказать, что за четыре года отсутствия, тех кто вообще меня помнит осталось совсем немного. Почти не изменился за это время состав прапорщиков и майоров. Они вечные и постоянные, но и лишних вопросов никто особо не задает, потому как все прекрасно понимают, что произошло в стране, а потому возможны самые невероятные перетрубаии с офицерским составом ВДВ.

А вот и родная территория медицинского пункта. Уютной прохладной тенью встречают меня липы и черешни скверика вокруг МПП. Изумрудной синевой от растворенного в ней медного купороса улыбается вода, построенного когда-то под моим руководством, бассейна. С докладом на крыльцо выходит незнакомая дежурная медсестра.

Собираю на пятиминутку весь немногочисленный коллектив. Знакомлюсь с теми, кто меня не знает. Ставлю задачи по неуклонному и полноценному медицинскому обеспечению повседневной жизнедеятельности личного состава полка, потому как, не смотря на все, что происходит в мире и вокруг нас, полк и дивизия продолжают интенсивно заниматься боевой подготовкой по расписанию.

В отличии от 105 ВДД в стране-Узбекии, откуда я только прибыл, здесь пока вообще нет никаких разговоров о том, кому дивизия должна принадлежать. Процесс находится в подвешенном состоянии. В Верховной Раде Украины пока что преобладающее большинство принадлежит коммунистам, а те, как известно, вроде как за союз с Россией, но идет интенсивное перетягивание каната. Вчерашние коммуняки, учуяв запах жирного бабла от предстоящего большого хапка, потихоньку уничтожают, по примеру главного пропагандона коммунизма в Украине КраДчука свои партбилеты и переходят в лагерь, так называемых дерьмократов.

Первые, по настоящему «боевые» законы, направленные против нас, военных, Рада приняла, чтобы устранить раз и навсегда конкурентов. Первое – это деполитизация армии, с запретом состоять военнослужащим в какой -либо партии. Второе- запрет военнослужащим заниматься каким – либо бизнесом. Вот и чудненько! Большая группа более-ме-

нее неглупых конкурентов вышиблена из седла. Конечно, далеко не до всех панов -ахвицеров доходит смысл принятых законов, но это уже их проблемы.

Мы все еще продолжаем получать денежное содержание в советских, но уже почти ничего не стоящих рублях. Я активно поглощаю новости из газетной макулатуры и телеящиков. Все что происходит в Москве и Киеве, мне мало件нятно, но я помню слова зампотылу артиллерийского полка еще в ГСВГ подполковника Сабоды, повторенные им неоднократно на политзанятиях четырнадцать лет назад. Еще тогда, иногда возникала и поднималась крамольная тема об отделении Украины от СССР на основании записанного в тогдашней конституции права на самоопределение. И когда комсомолец третьего дивизиона, хохол, прапорщик Запорожец настаивал на том, что, мол, как бы хорошо жила Украина, если бы была самостоятельной, мудрый полковой воришка уже тогда доказывал, что в свободном плавании Украина пропадет, как дождевой пузырь в луже. И я был с ним тогда и сейчас согласен, но из всех украинских СМИ в настоящий период лились медоточивые басни о том, как мы теперь жирно заживем, уйдя из – под ига москалей. Стало появляться незнакомое слово – ваучер, а в след за ним появился и купон-тампон. Бабушки по подъездам шептали мантры о том, что лишь бы не было войны, а все остальное переживем. Бабушкам повезло, почти все они дожили свой век в более-ме-

нее тихой обстановке.

Когда я пишу эти строки, на востоке Украины полыхает самая настоящая братоубийственная война. Погибло официально более десяти тысяч человек.

А пока во дворе стоял 1992 год. Замполиты, которые теперь уже стали воспитателями, снова, в очередной раз «перестроились» быстрее всех, а на занятиях по «выховной»* работе бормотали заклинания о какой – то соборности Украины.

Ну, а я активно впрягаюсь в службу. И никто меня не спрашивает, нравится мне мое нынешнее положение или нет. Офицеры полка, которые меня помнят, считают, что я как – то быстро и странно продвигаюсь по служебной лестнице. Пришел, мол, четыре года назад сюда младшим врачом полка, где – то отлежался в верхних штабах пару лет, а вернулся старшим врачом полка. Которые меня не знают, тем вообще по барабану.

Новый здесь для меня начмед дивизии Александр Голобородько, попытался как – то наскоком подмять, но ему от этого стало очень больно, потому что я чуть ли не открытым текстом, в присутствии его подчиненных и посторонних на территории медицинского батальона послал вдаль. После этого

он долго куксился и вообще сторонился, но через пару месяцев глядя на мою службу он кардинально изменил свое отношение ко мне.

Потихоньку доукомплектовываю штат медицинской службы полка. Прислали по замене нового начальника медпункта по фамилии Сотников. Прибыл из академии молодой лейтенант по фамилии Бочаров на должность младшего врача полка. Средний медперсонал, фельдшера и медсестры сами ежедневно приходят и просят на службу. Отбираю среди них лучших, на свое усмотрение. Жизнь в медпункте закипела. Мне стало легче дышать. На должность санитарки попросилась еще относительно молодая местная гагаузка с мужским характером. Она могла не только шваброй грязь размазывать, но при необходимости и стенку замуровать и розетку починить. Затеваю давно необходимый ремонт мед пункта. Как всегда, средств для этого в части нет. На свои закупая всю необходимую сантехнику для ванной и душевой в санпропускнике. Санитарка с парой солдат все это монтирует.

В процессе сталкиваюсь в медпункте со странным солдатом —фельдшером, двадцати годков. Такой весь из себя парниша. На меня пытается не реагировать, обходит стороной. Числится по штату в медпункте. В казарме не живет. На вопрос:

– А где живешь, солдат?

Лицо отворачивает и сопит. Навожу справки. Оказывается, он по ночам проживает у той самой начальницы аптеки. Открыто сожительствует. Раскапываю сие неподобство и узнаю, что вся полковая верхушка в курсе, но почему – то закрывают глаза и потворствуют.

Вызываю к себе в кабинет аптекаршу. Спрашиваю в лоб:

– Извините, а что за дела?

Она в истерике. Начинает орать, как свинья в заборе:

– Да вы, да ты, да вы знаете, кто я такая!?! Да я когда служила в госпитале, операционной сестрой! Так я самому Паше Грачеву прямо на операционном столе отдавалась! Да я тебя в порошок сотру!

Ах, вон оно что, ну понятно, почему даже во всем принципиальный кэп делает вид, что ничего не замечает, но у меня такие номера не проходили никогда. И не пройдут.

Это же ЧП в полку, ходячее. Это какой же пример для всего остального личного состава! Сильно я засомневался, что

сам Грачев станет подписываться за этот ходячий кусок дерьма. Оказывается, что эту шмару с неизвестно от кого нагулянным ребенком, уже давно бросил муж, старлей. Она прошла рым и крым, а вот теперь пригрела в своей норе солдата срочной службы. Мне шептуны доложили, что в ее однокомнатной квартирке из-за грязи и мусора можно перемещаться только прыжками из точки в точку.

Ставлю вопрос ребром перед командиром. Солдата в тот же день переводят в 217 полк, естественно, на казарменное положение. Прапорщица, в засаленном кителе, с сигаретой в зубах зло рычит в мою сторону. И затевает перевод в Кировоградскую бригаду спецназа, поближе к месту своего появления на этот свет, и в скором времени уезжает. На аптеку возвращается отбывший срок наказания, ссыльный Недялков.

Лечебно-профилактический процесс в полку шлифую до механизма швейцарских часов. Никому не скулю и не плачусь. Бывшим врагиням, типа прапорщицы Пизанкиной в ЗРАДНе, и сержанту Шуликовой в ОБМО, делаю вид, что ничего не помню, и вообще никаких проблем между нами никогда не возникало. Они в это верят, и становятся за меня горой, агитируя и остальных в мою пользу. Командиров рот и батальонов ненавязчиво ставлю на свое место в плане отношения к профилактике заболеваемости и отно-

шения к заболевшему солдату. Даже командир, долго кривившийся в мою сторону из-за предшественника, и тот постепенно оттаял и оценил.

Управление – это непрерывный, сложный процесс получения, переработки информации, принятия решения, отдачи распоряжений, контроля и помощи в их реализации, т.е. это непрерывный процесс воздействия органов управления на объекты управления.

Под управлением медицинской службой принято понимать целенаправленную деятельность начальников (командиров) и органов управления медицинской службой по поддержанию постоянной боевой готовности ее подразделений, частей и управлений, подготовке их к медицинскому обеспечению боевых действий и руководству ими при выполнении поставленных задач. И т. д. в этом же духе, на пару страниц текста.

А вот вам и работа НМС во время по подготовке к войне, и непосредственно во время военное:

В условиях современного боя, характеризующегося высокой напряженностью, маневренностью, резкой изменчивостью обстановки, к управлению предъявляют определенные требования: оно должно быть устойчивым, непрерывным, оперативным, и скрытым.

Устойчивость и непрерывность управления достигается: постоянным знанием реально сложившейся обстановки; правильным уяснением задачи, поставленной командиром дивизии (полка) и старшим медицинским начальником; своевременным принятием решений и четкой постановкой задач подчиненным; наличием связи с подчиненными, непосредственным командиром и вышестоящим начальником медицинской службы... И снова несколько страниц печатного текста. Эти документы необходимо периодически освежать, отрабатывать. На это тратится уйма служебного и личного времени. Об этом знают только те, кто сам все прошел.

Но вернемся к реальной жизни полка в тот период. Шел третий, год как из дивизии ушел генерал А. Чиндаров. Все это время ее возглавлял Герой В. В., о котором я уже прежде неоднократно упоминал. В то время, когда я его проводил во время ГКЧП из Ферганы, он все таки успел попасть в Болград, и вместе с дивизией слетать в Москву, но дальше подмосковных аэродромов предатель -командующий ВДВ П. Грачев ее не пустил. Он с Ельцыным уже все порешал и дал команду возвращаться обратно в свою Бессарабию.

Офицеры дивизии, как в свое время офицеры вермахта, посмотрели на белокаменную в бинокли и пришли к выводу,

что война проиграна. В.В. взял под козырек и повернул дивизию обратно. Уверен, будь в тот момент командиром дивизии А. Чиндаров, он бы арестовал Ельцина со всей его камарильей. И возможно, что Союз бы еще сохранился. Но, увы, имеем то, что имеем.

С тех пор основная масса офицеров и прапорщиков, предчувствуя нехороший для них финал, пыталась напиться Болградского вина впрок. На всю оставшуюся. Дивизия не просыхала от пьянства. Мне доложили, что в результате затяжного запоя, при смерти находится начальник артиллерии полка подполковник В. К. Тут же принимаю меры по его спасению. И после утреннего построения подхожу с этим вопросом к кэпу. Он уже на то время выписался из госпиталя.

– Доктор, да пошел он! Скинемся по рублю, если подойдет, да и все дела. Это уже не первый раз он умирает, так что ты не переживай, такие, не сдыхают, -таков был ответ командира на мою мольбу.

Сам подполковник К.В. мне был достаточно знаком. Я под его руководством когда – то набирал молодежь для дивизии в славном городе Сызрани. И в трезвом состоянии он был вполне приличным офицером, но против воли командира не попрешь. Тем не менее, по телефону прошу командира медбата послать к нему на квартиру скорую с дежурным вра-

чом. И его благополучно, в очередной раз откапали-прокапали.

В тот же день на моих и на глазах заместителя командира полка, подполковника С. Курбатова, начальник автослужбы полка майор А. Галюк врезался на своей Газ-24 в дерево на территории полка, будучи сильно пьяным. Курбатов даже уронил от волнения кулек с куриными яйцами, которые нес домой, урвав по блату в магазине военторга. Мне тут же пришлось вытаскивать окровавленного майора из-за баранки.

– Доктор, он что умер!?! -запричитал подполковник, подбежав к машине вслед за мной.

– Никак нет, просто смертельно пьян, -ответил я.

– Фу! Слава Богу. Ну, от этого он не умрет, -облегченно вздохнул заместитель командира.

Порой было страшно смотреть на беспробудное Болградское пьянство, которому совершенно не препятствовал Гостротин. Это в Фергане вина почти не было, правда, однажды видел вино» Ширин», но оно чем -то напоминало содержимое канализации по запаху. Не умеют мусульмане заниматься виноделием. Аллах не разрешает.

Очередной понедельник. Перед утренним построением офицеров полка, захожу в МПП. Мой кабинет теперь разме-

щается на втором этаже, прямо напротив лестничной площадки, там, где когда – то был мой кабинет младшего врача. Сюда его переместил мой предшественник, Заворуев.

– У нас в медпункте сегодня ночевал майор Лисовой С., – шепотом докладывает мне дежурная.

– Кто такой!?

– Выпускник академии Фрунзе, прибыл на должность командира второго батальона. Здесь, я ему постелила в кладовой, рядом с вашим кабинетом.

– Кто приказал?

– Дежурный по полку.

– Где он сейчас?

– Еще здесь...

– Передайте этому майору, что медпункт не гостиница. Нечего здесь ошиваться. И завтрак ему не подавать, – громко произнес я, зная какие щели в двери этой кладовой, и нарочно, чтобы неведомый мне майор все слышал. Ох, не предусмотрел я, что это будущий заместитель командира дивизии, а в перспективе и командующий аэромобильными войсками ВС Украины.

А возмутился я потому, что уже давно, задолго до моего здесь появления, да и не только здесь, сложилась традиция использовать медицинские заведения в качестве гостиниц для более-менее важных персон, прибывающих в части. Когда я вернулся в медпункт после построения, майора уже

не было. Да и ладно, пусть комбаты знают, что в полку появился начмед. Это они по тому или иному поводу ежедневно должны были заискивать передо мною.

В редакции дивизионной газеты под названием « Стой. Кто идет?» у меня есть друг. Еще с лейтенантских времен, Юра Парасюк. Тогда он был просто журналистом, а теперь – редактор этой самой газетки. Как всегда в те времена всеобщего дефицита, в МПП не хватало бумаги на листочки для вклеивания в истории болезни. У него, соответственно, этого добра стояли огромные рулоны, а из них они нарезали себе по необходимому формату. Она хоть была и никудышная, серая, как наша жизнь, но за неимением гербовой, пишут на простой. Вот и договорился я с ним по телефону, что он меня осчастливит энным количеством, этой макулатуры.

Иду к нему сам. Это во первых, не очень далеко, на территории соседнего полка. А во вторых, есть повод встретиться со старым знакомым, поболтать обо всем и ни о чем. Открываю массивную, оббитую металом входную дверь, и попадаю в узенький кривой коридорчик. Минуя очередной поворот торможу, потому что слышу громкие вопли знакомого всей дивизии голоса. Вижу в приоткрытую дверь кабинета редактора, вытянувшегося по струнке капитана Парасюка. А распекает его за какие – то упущения в работе начальник политотдела, если по старой номенклатуре, или теперь уже от-

дела по воспитательной работе, полковник Крамарев. Я его не вижу, но догадываюсь, что он сидит за столом в кресле редактора.

Жду минуту, вторую, пятую, вижу, что конца не будет этому воспитательному процессу. У меня лишнего времени никогда нет. Да и не люблю выслушивать чужие нравоучения. Нарочно громко топаю ногами и стучу в дверь кабинета.

– Да! -раздается львиный рев барина.

– Разрешите, товарищ полковник? -как можно скромнее спрашиваю я, чтобы не нарываться, а заодно и друга освободить от тяжелого воспитательного процесса.

– Кто такой!?

– Начальник медицинской службы 299 полка капитан Озерянин.

– Чего надо!?

– Товарищ полковник, мне нужна бумага для историй болезни... Вот хотел попросить, если можно, у товарища капитана..

– Что!!!? Какая бумага!? Здесь, что, склад бумаги для всех желающих!? Парасюк! Ты что, ему обещал!!!?

– Никак нет, товарищ полковник!

– А что же они сюда идут, как в свою кладовую!?

– Ну, ладно, товарищ полковник, если нет ее у вас, то я и не настаиваю. Хотя сам как – то видел, что там рулоны двухметровой толщины еще со Сталинских времен.

– Идите, идите отсюда, капитан. Развел, понимаешь, травматизм в полку, и ходит, побирается...

Ну, тут я мгновенно вскипел. У меня еще до сих пор стояла перед глазами Ферганская картинка, когда такие же, как он, стояли на крыльце штаба дивизии, и пьяные в стельку плакали, когда Ельцин распорядился всех замполитов с армии выгнать. А этот, видите ли, здесь заныкался и уже снова ожил, хотя жало и вырвали. Раньше они по штату были заместителями командиров, а теперь всего лишь жалкие помощники, но кое кто зубы еще пытается демонстрировать.

– Это я развел травматизм? Так это же вы, бездари замполитовские, несете прямую ответственность за внедрение уставных норм службы среди личного состава! Так это же вы отвечаете за мордобой и пьянство. Но как всегда, сидите по норам и ничего не предпринимаете, пока гром не грянет!

Полковник поначалу опешил. Глаза полезли на лоб. В таком тоне с ним подчиненные уже давным – давно не разговаривали. Челюсть отвисла до столешницы.

– Что вы на меня уставились!? Я что неправду говорю!? Да, ведь это вы- главный бездельник в дивизии, товарищ полковник. И не нужна мне ваша бумага.

– Вон! Вон отсюда! – наконец пришел в себя полковник и заорал диким голосом. А за моей спиной уже только громынула входная дверь.

«Ну, вот, нажил еще одного врага, – подумал я. – Но пусть и эта сука знает, что его время уже закончилось.»

Через пару дней после этого случая в штабе полка совещание в присутствии заместителей командира дивизии. Начальники служб полка собрались небольшой кучкой возле штабного крыльца. Начинают подъезжать дивизионные начальники. Дежурный по полку только успевает подавать команды, а мы имитируем вздрагивание по стойке «смирно». Вот подкатывает очередной Уазик и из него, как тугой мячик, выпрыгивает помощник командира по «помповоспитательной» работе с личным составом. Тот самый Крамарев. Он быстро подает каждому руку. Я уже знаю его дурацкую привычку пожать руку и дернуть ее на себя, поэтому своевременно выставляю правую ступню вперед, и делаю упреждающий рывок его на себя. Полковник от неожиданности чуть язык не прикусил и повалился на меня, но я его левой рукой оттолкнул от себя.

Рядом со мною стоял начмед дивизии, А. Голобородько. Крамарев зло зыркнул на меня, потом на него.

– Т-ты знаешь, кто он у тебя!?

– Знаю.

– Кто?

– Лучший начмед полка во всей дивизии.

– Что!?! Да я, да я бы т-тебе сказал, кто он, эх жаль времени сейчас нет, – и он прыжками заскочил внутрь штаба.

– Что с ним? – обратился ко мне дивизионный шеф.

– Да ничего особенного, это у него старые обиды никак не пройдут, – прошептал я. И мы тоже проследовали на совещание. Так я впоследствии и не удосужился узнать, что думает обо мне этот бывший замполит. Ну, да ладно, переживу как -нибудь.

Еду на санитарном авто из медбата в полк. Дневальный по КПП открывает ворота. Прямо на капот бросается с воплями обезумевшая, или выжившая из ума, моя давняя «подруга» по медпункту, мадам Шуликова.

– Кирилыыч!!! Ой горе мне горе!

– Да что случилось? —спрашиваю я, выглядывая в окошко. Шуликова за эти годы еще больше состарилась, но свирепый дух по-прежнему не теряет. Боевая раскраска солдатским сапожным кремом, хоть и постоянно осыпается с верхних век, но часть ее еще держится. Жабьи буркала болотного цвета все так же мечут молнии во всех ее потенциальных врагов. Я сейчас по всей видимости из списка врагов вычеркнут, потому что она по-панибратски изливает мне свою черную душу.

– Кирилыч! Ты представляешь что натворила наша сука-дочь!? Ее муженек, подполковник Шуликов, подкаблучник по жизни, топчется рядом, у нее за спиной.

– Так что случилось? – она застопорила машину в воротах, а я тороплюсь проехать, чтобы освободить проезд, но вижу что придется сойти, она просто так не отстанет. Выхожу из машины, боец проезжает метров десять вперед и принимает вправо, останавливаясь.

– Ну, рассказывайте.

Тамара Алексеевна заливается слезами и продолжает:

– Ой, да ты понимаешь, наша же дочь уже на четвертом курсе псковского медицинского училища. И что думаешь, эта сука сделала подпольный аборт! Вот сейчас истекает кровью, а нам надо срочно ехать к ней! И даже не знаем, застанем ли в живых! Вот горе, горе нам!!!

И она начинает заливать слезками мой китель. Я как могу, пытаюсь изобразить сочувствие и утешить ее.

Ведь это она воспитала дочь по образу и подобию своему. Будучи младшим врачом, я видел, как эта доченька еще с седьмого класса заигрывала с солдатами. Доходило до того, что еще тогда мамка ее закрывала и неделями не выпускала

из квартиры. Ну, и вот он, закономерный финиш.

– Да ладно вам, Тамара Алексеевна, ваша дочь крепкая девочка, она выживет. Не волнуйтесь, езжайте, все будет хорошо.

Я еле оторвался от истерички и заскочил в машину. Ничего подобного в моей жизни еще не было, чтобы мать о родной дочери орала на весь полк такое. Не хочу никак оскорбить псковских жителей, и тем более женщин, но эта Шуликова, ваша землячка. Дочь не только выжила, а через пару месяцев еще и пришла служить прапорщиком-фельдшером рембата, который располагался на территории нашего полка. Но это уже другая история.

В период службы в Фергане начмед дивизии оформлял представление на досрочное присвоение звания капитан, но тогда дивизионный кадровик сам посоветовал мне не отправлять его по инстанции, потому что до истечения срока оставалось пару месяцев. А документы на досрочное присвоение могли перехлеснуться с теми, которые на своевременное представление. Могло получиться, что даже задержится то звание, которое должно было прийти в срок.

И вот на днях начмед дивизии сообщает мне, что он оформил документы на досрочное присвоение мне звания майор.

ра.

– Спасибо, конечно, товарищ майор, что вы обо мне заботитесь, но что – то меня гложут большие сомнения в том, что его реально могут досрочно присвоить.

– Да ладно вам, Владимир Кириллович, будьте оптимистом! – уговаривает меня шеф.

По каким – то делам иду по штабу полка. Случайно захожу в кабинет начальника инженерной службы, а там целая толпа полковых дам прихорашиваются возле зеркала. Когда я служил лейтенантом в полку, то было не более восьми женщин, включая медиков, связисток и секретарш. Сейчас уже около двадцати.

– О, Владимир Кириллович! Заходите, заходите, гостем будете! – изображает бурное гостеприимство Машка Пушулкова, делопроизводитель по штату, стой там – иди сюда. Потому что уже нет такой службы в полку, где бы она не работала. Знает в полку всех и все.

– Да мне нужен НИС (начальник инженерной службы), - не знаете где он?

– Он в штаб дивизии по делам подался, -ответила секретарь инженерной службы.

– А мы слышали, товарищ капитан, что вы скоро майором

будете. Это правда? – натягивая улыбку до ушей, изображая доброжелательность, произносит Марина Узун, прапорщик, начальник штабного узла связи.

– И где же это вы, Марина, могли такое слышать, если я сам не в курсе? – изображаю свою неосведомленность по этому вопросу.

– Озерянин до хрена хочет, но ни хрена у него с этого не выйдет, – как ворона прокаркала одна из дам, минимум лет на десять меня старше. Она как раз поправляла свой шиньон перед зеркалом, и в нем увидел ее кривляющее лицо озлобленной старухи. Раньше ее в полку не замечал.

– Очень интересно, кто вы такая и какое вам дело до того, что я хочу или нет, тем более, что если вы имеете ввиду документы на досрочное присвоение, то меня никто не спрашивал, когда их оформляли. Видать, моему начальству виднее.

– Я, Александра Левчук, жена начальника отделения кадров дивизии, полковника Левчука. Знаете такого?

– Конечно, кто же не знает милейшего полковника Левчука. А вот вы в ближайшие дни очень сильно пожалеете за то, что только что здесь произнесли и за сплетни, которые распускаете на основании служебной информации. Бескультурная и вульгарная вы женщина, – сказал и вышел из кабинета.

Надо полагать, что муж постоянно или иногда делился с супругой информацией, которая ее абсолютно не касалась. А та уже решала, кому что кому ничего, а кому шиш через плечо. Я даже представить не мог, что моя личность может каким – то образом заинтересовать самого дивизионного кадровика, да еще и его жену, которую знать не знал. А она мало того, что вникала, но еще и среди полковых баб собирала информацию. Ну, полный крантец. Видимо, я был очень зол, когда кинул ей фразу о том, что она пожалеет о сказанном, потому что тот, кто решает наши вопросы выше, ко мне мгновенно прислушался.

Прошло двое суток. Почти в то же время дня я снова иду по коридору штаба. Навстречу вся в черном двигается та самая мадам Левчук. Вдруг резко поворачивается лицом к левой от меня стене и руками закрывает свою афишу. Я с удивлением, не понимая, что происходит, прохожу мимо. Только внизу, на первом этаже, чисто риторически интересуюсь у дежурного по полку, почему мадам Левчук в трауре.

– Так вчера утром у нее муж умер, а вы разве не в курсе?

– Нет, первый раз слышу, – говорю и выхожу на улицу. Вот как бывает. И ведь теперь, видимо, она на сто процентов уверена, что это произошло после мною сказанных слов. Хотя лично я абсолютно ничего не имел против дивизион-

ного кадровика.

По – прежнему не интересуюсь, и уже даже забыл о том, что на меня послали эти документы. Но будучи в штабе дивизии, сталкиваюсь на улице с капитаном-кадровиком.

– А документы на вас вернулись без результата.

– Да и хрен с ними, – отвечаю, – а с какой формулировкой – то?

– Да пишут, что вот если бы вы были командиром боевой роты или батальона, то это другое дело, а для медиков вообще не мыслимо присваивать звания досрочно.

– Спасибо и на том.

Я убегаю дальше, и вспоминаю, что слышал несколько раз о том, что в вышестоящих кадрах никогда не ценили начальников служб, тем более медицинской.

Это нужно иметь сверхволосатую лапу в верхах, чтобы пробить медику досрочное звание или награду. Да и черт с ними. Когда я сам себя обрек на пожизненную службу в армии, то даже мысли никогда не допускал о каких – то поощрениях. Кадровики всегда и везде кичились своей конторой. Их любимые выражения: «Кадры решают все!»; «Выше кадров только солнце, выше солнца только ГУК!» (Главное управление кадров в армии). Или «Всякая хорошая бумажка должна хорошо отлежаться». То есть, чтобы выжать у хода-

тайствующего все соки, любое прошение-бумажку, нужно надолго положить под сукно.

Прощание управления дивизии и офицеров гарнизона с начальником кадров было обставлено с помпой. Он ведь метил стать начальником кадров ВДВ. Было сказано много слов теми, кого он реально продвинул по служебной лестнице, и теми кому было положено говорить по штату. Затем офицерская колонна проводила его гроб в «Урале» за черту города, а далее грузовик отправился с его телом на малую родину. Куда именно, я не вникал.

Иду контролировать обед в солдатской столовой. С 1985 года идет строительство корпуса новой, на две тысячи посадочных мест. Первая заморозка строительства произошла в восемьдесят шестом, потому что все силы бросили на ЧАЭС. Через год продолжили, но потом сорвали строительную бригаду и кинули в Ленинакан, после землетрясения. Теперь в связи с развалом Союза, вообще непонятно, закончат ли, поэтому питание личного состава полка и частей, которые находятся в этом городке, много лет происходит чуть ли не в три смены.

Соответственно, мытье посуды и помещений происходит в постоянной спешке, качество работы нулевое. Здание ста-

рое, его уже много лет никто не ремонтирует, потому что надеются на переселение в новую. Вот так все и тянется. Отсюда хроническая заболеваемость личного состава всем букетом кишечных инфекционных болезней.

Во время приема пищи, три раза в день, здесь постоянно присутствует весь суточный наряд офицеров и прапорщиков, а также ответственные по подразделениям. Приемы пищи затягиваются и плавно перетекают с завтрака в обед, а затем в ужин. Личный состав суточного наряда по столовой похож на чертей в преисподней. Робы черные, засаленные, лица, соответственно, такие же. Постоянно где – то идет прорыв старых труб. Помещения заполнены клубами пара. Ходить по залам и подсобным помещениям приходится чуть ли не на ощупь. Полы скользкие от жира и грязи. Того и гляди, можно поскользнуться и расквасить свою физиономию.

Возле входа в столовую сидит бывший ее начальник, старый прапорюга по фамилии О. Он теперь на пенсии, но продолжает работать помощником начальника продовольственного склада. Закинул ногу на ногу, газету читает.

– Здравия желаю, товарищ прапорщик! Во что так усердно вчитываетесь? -подначиваю я его.

– Здравия желаю, товарищ капитан. Читаю в окружной газете про своего сына, интересуюсь, что там о нем пишут.

– Он у вас кто?

– Да хвалят тут его, он в Николаеве командиром воздушно – десантной бригады служит.

Я прикусываю язык. Дед меня знает с лейтенантов. Отношения у нас со взаимопониманием.

Пройдет еще пять долгих лет. Его сына снимут с должности комбрига, с понижением переведут сюда в дивизию. Здесь он погибнет в ДТП. Старик от горя умрет преждевременно, а пока оставим его, пусть нарадуется.

Прохожу по всем цехам. Прапор, дежурный по столовой дышит в затылок. Боится, что от моих замечаний может остаться на вторые сутки, поэтому на все мои замечания реагирует мгновенно. Ничего интересного здесь никогда не бывает. Для приличия постоял еще минут десять возле входа. Посмотрел за работой своего дежурного медика. Он контролирует чистоту рук у личного состава, заправку фляг отваром грецкого ореха. Все, как обычно, но все хреново. Ноль один- ноль два процента от личного состава полка, почти постоянно находятся в инфекционном отделении госпиталя.

– Здравия желаю, товарищ капитан! Разрешите представиться, я начмед ремонтно восстановительного батальона прапорщик Шуликова!

– Здравсте, товарищ прапорщик. Поздравляю с окончанием училища и присвоением воинского звания прапорщик.

– Владимир Кириллович, я надеюсь, что мы, как два начмеда на одной территории, найдем общий язык?

– А почему тебя Инна, это волнует? Тебе до начмеда батальона нужно еще дорасти. Батальон прекрасно себя чувствовал и во время твоего отсутствия, замыкаясь по медицинскому обеспечению на нашу медицинскую службу. Так что ставим тебя в график, будешь как все фельдшера на нашей территории дежурить. А остальное время можешь находиться в своем батальоне, я на него не претендую.

– Я поняла, спасибо,

– Вот и хорошо, что ты такая понятливая.

Проходит неделя. В понедельник прихожу в медпункт в пять тридцать утра. Наружная дверь медпункта, вопреки всем наставлениям, раскрыта настежь. Захожу внутрь. На месте дневального, склонив голову на тумбочку, без юбки и трусов, спит дежурная, прапорщик Шуликова. Недостающие части одежды валяются рядом, по углам. Возле тумбочки стоит графин с вином. Картина достойная кисти Ильи Репина. Бужу свое новое медицинское пополнение. Дежурная с трудом разлепляет глаза.

– Доброе утро, товарищ прапорщик.

– А, што? Где я? Что такое? Ой, извините, товарищ капитан.

Смотрю, никакого особого стыда на ее запухшем лице, нет и в помине. Я следую на второй этаж. Вот счастье – то мне привалило. Пять лет назад мама кровь пила в течении года. Теперь вот доченькой меня наградила. Звоню из кабинета ее родителям. Выкладываю маме все без всякого менжевания. Через полчаса прибегает папа и пинками гонит любимую дочь домой. Позже оказалось, со слов мамы, что солдаты не только «имели» ее в течении ночи, но и оставили себе в качестве трофеев все кольца и цепочки. А еще через пару месяцев на ней женился командир ее части, сорокапятилетний подполковник Чирков. Она у него по счету официально была четвертая.

Поездка в Житомир.

Хотя мне уже по штату и не положено, но чтобы немного развеяться, беру себе командировку за молодым пополнением. Увы, теперь призыв в дивизию только из Украины, поэтому и плечо моей поездки по сравнению с предыдущими, соответственно, короткое. Едем со старшим команды, начальником разведки полка Серегой П. аж в Житомир. Сначала я, как всегда, по медкнижкам вычисляю солдата, чтобы был

из того города, куда нам надо. Быстро такого нахожу и звоню в его роту.

– Он в наряде по столовой, – отвечает дневальный. Иду в столовую и мне вызывают по фамилии того, кого ищу. Подходит боец в таком замызганном комбинезоне, что более грязного даже трудно представить.

– Ты такой – то?

– Я.

– Ты из Житомира?

Родное для него слово, вызывает на лице у солдата кислую улыбку.

– Так точно!

– Дома побывать хочешь?

– А разве это возможно?

– Тебе очень повезло, я беру тебя в командировку за молодым пополнением. У солдата от нахлынувших вдруг чувств даже жирная половая тряпка выпала из рук.

– У твоих родителей найдется где переночевать двум офицерам в течении двух- трех суток?

– Так точно!

– Сейчас идешь в роту, приводишь себя в порядок. Со старшим сбегаете на почту и позвонишь домой. Завтра утром выезжаем.

Даю команду дежурному по столовой, чтобы отпустил и заменил бойца. Сообщаю по телефону данные на солдата П. И он берет его подготовку на себя.

Утром солдата в парадной форме и с двумя лычками на погонах не узнать. Ему вчера успели и младшего сержанта присвоить, потому, как не к лицу рядовому сопровождать призывников в ВДВ.

Туда добираемся быстро и, как обычно, в купе скорого поезда. Там отбираем свою партию в течении пяти дней. Живем на квартире у своего подопечного, в отдельной комнате. Родители счастливы лицезреть свое чадо. Он пока нам не нужен, поэтому круглосуточно зависает по своим друзьям и подругам. Для нас каждый вечер накрывается пышный стол. Перед отъездом, отец сержанта одаривает меня с П., по пакету мужских носков. Они тогда уже были в жутком дефиците. А хозяин который нас приютил, оказывается, был начальником цеха, где этот дефицит производили. Носил я их потом в течении нескольких лет. Ничего прочнее ни до, ни после не встречал. Оказывается, и у нас умеют делать настоящую продукцию, если для себя.

Назад возвращались на перекладных, электричками. Украинская военная казна за пару лет «нэзалэжности», на-

столько оскудела, что не на что было перевозить собственных защитников. Это был кошмар. Почти сотню вчерашних пэтэушников, маменькиных сынков и хулиганов нужно было непрерывно пересаживать с поезда на поезд. Страданиями, уговорами и обещаниями тянули толпу к месту службы.

Запомнилась ночь, проведенная на станции Козятин. Зазор между электричками был в целую ночь. Держать в повиновении еще совершенно необузданную массу в гражданской одежде, нам трем было совершенно не под силу. Идем к коменданту вокзала. Сорокасемилетний, худой и бледный капитан удивил меня тем, что с порога заявил, мол, я по – русски не понимаю, говорите на украинском. А ведь это еще только осень 92 года.

Сергея, мой напарник, родом из Жданова (Мариуполя), тот вообще ни слова на украинском. Пришлось мне, ворочая нижнюю челюсть вручную, переводить разговор между ними. И вышли из положения. Нам предложили провести ночь на продовольственной базе длительного хранения, которая находилась в пару сотен метров от вокзала, за железнодорожными путями. В каком – то классе для политинформаций, на полу и голых столах скоротали мы ту холодную ночь. Там же на вокзале, я последний раз расплатился за булочку с чаем советским рублем с копейками. Наступил период купонов.

Худо-бедно добрались в дивизию без потерь и происшествий. До конца своей службы больше мне в подобные командировки ездить не приходилось.

В девятнадцать тридцать выхожу с территории медпункта, домой собрался.

– Кирилыч, а ты куда? – спрашивает меня старший лейтенант Игорь Накапкин, вынырнувший из-за угла.

– Да домой.

– Так ведь сегодня Лисовой проставляется, приглашал всех офицеров. Он вливается в батальон.

– А я здесь при чем?

– Так мне компанию составишь.

– Ты знаешь, всего Болградского кабэрне еще никто не выпил и не перепьет. Тем более, что он на меня обижен.

– Это почему же?

Рассказал кратко историю, как изгонял его из медпункта.

– И это всего лишь? Да ладно, он нормальный мужик, там и примиритесь.

– Вот пристал, но считай, что уговорил, красноречивый. И только потому, что враги мне действительно ни к чему.

Приходим в один из небольших залов новой солдатской столовой. Ее не смотря ни на что, наконец- то, запустили

в эксплуатацию. Смотрю, там народу и присесть – то уже негде. Майор Лисовой, восседавший во главе стола, метнул удивленную молнию в мою сторону, но сдержался. Мы поздоровались, народ подвинулся, присели. Ничего особенного, обычное пьянство без ограничения. Минут через сорок я тихонько сбежал.

Вот и очередная моя зима в Бессарабии наступила. Здесь она тоже, в отличии от Ферганы, бывает достаточно холодной и мерзопакостной. Прохожу мимо большого плаца, иду в медпункт. На нем производится учебно – тренировочная швартовка техники. Кроме мороза под двадцать, еще и пронизывающий северный ветер с колючим снегом. В такую погоду, как говорится, хороший хозяин собаку, сами знаете что. А тут солдаты с офицерами- вэдээсниками трудятся в поте лица. И кому теперь в этом непонятном СНГ, эта швартовка нужна? Но все занятия, как и в добрые прежние времена проводятся по графику. Независимо от сезона и температуры окружающей среды.

От одной из платформ, на которой стоит зашвартованный Газ-66, мне машет рукой, капитан Вадим Т. Бывший сосед по первой квартире.

– Володя, у тебя чего –нибудь найдется для сугреву? – умоляющим и охрипшим голосом полупшепотом произносит он фразу. И щелкает себя пальцами по кадыку.

– Найдется, пошли, сжалился я над бедолагой.

К нему тут же пристраивается старший лейтенант Н.

– Доктор, а меня возьмете? Да пошли, чего уж там. Разделите пополам то, что имею. Поднимаемся ко мне в кабинет. По дороге я даю команду повару, чтобы принес чего-нибудь на зуб. У меня в сейфе было двести граммов чистого медицинского. Разливаю по пятьдесят гостям. Себя игнорирую. Повар заносит все, что было на кухне на тот момент. Тарелку с квашеной капустой. Вадим Т. говорит:

– Ничего, пойдет!

Они с Игорем берут по горсти капусты в левые руки, стопки поднимают правыми.

– Ну, будем!

И стоя передо мной и друг против дружки, синхронно выпивают. В этот момент дверь кабинета открывается, смотрю, и на пороге стоит полковник Вознесенский. Я сижу за столом, и наблюдаю такую картину, как в замедленной киносъемке. У обоих моих корефанов пальцы рук медленно самопроизвольно разжимаются и капуста из них высыпается на пол.

– Эт-то что такое! – рывкает командир, – а ну марш отсель!

Офицеры молча ставят рюмки на стол и в мгновение ока растворяются за дверью.

– Доктор, ты зачем их здесь прикармливаешь? – спокойным тоном, без возмущения задает мне вопрос кэп.

– Так замерзли пацаны на плацу. Я проходил мимо вот они спросили, нельзя ли, мол, по капле перехватить?

– Пошли они подальше! Пусть чаем греются, – наливай доктор. И присел к столу. Наливаю кэпу рюмку, полную сотку, все что осталось.

– А себе?

– С вашего разрешения, я воздержусь.

– Ну и ладно, будь здоров! – и он опрокинул содержимое стаканчика себе в глотку, зажевав все той же кислой капустой с солдатского склада. Я передал ему пакетик с поливитаминами для собаки, которые он давно уже заказывал, и они лежали у меня в ящике стола. А ведь он меня предупредил, что как –нибудь сам за ними зайдет. Вот и зашел, в самый «подходящий» момент. Еще пару минут поговорили ни о чем, и он тоже ретировался.

Вообще полковник Вознесенский был по моим поняти-

ям настоящий командир полка. Я никогда раньше и нигде не видел, чтобы полковники столько времени уделяли солдатам. Он постоянно был с ними. Прыжки и занятия в поле, вождение техники и стрельбы, Вознесенский был всегда среди солдат. Вечерняя прогулка перед отбоем на плацу, он с ними. На утреннем подъеме он обязательно, в каком-либо батальоне. Очередная отправка дембелей, и он по душам общается и прощается, пожимая руку каждому достойному. Все это я замечал, как бы мимоходом, со стороны. И солдаты, соответственно, с любовью относились к нему, потому что своих детей не было.

Но вот в Европе закипел-забулькал, подогретый америкосами Югославский котел. Россия принимает решение помочь сербским славянам-братушкам. Для этого формируют специальный, миротворческий батальон, а его командиром назначают нашего кэпа. Стол был накрыт в одном из залов ВДС. Приглашенных офицеров и прапорщиков Вознесенский лично пофамильно отбирал, чтобы при расставании не видеть лиц тех, кого он не любил. Так как список был оглашен заранее, и я в нем числился, то решил отблагодарить нестандартным подарком.

Учитывая, что он был почти холостяк, сожительницу я в расчет не брал, то решил подарить ему маленькую копию картины Тициана «Даная». Ее я написал сам задолго до это-

го момента. Пьянка была жесткая. Расставание с настоящим командиром было для многих, кто послужил с ним поболее меня, тяжелым. Вино и водка лились рекой. Не только во рты но и по столам, но и на пол. Многие, не рассчитавшие сил, уснули лицами в тарелках с винегретами и салатами.

Мой подарок произвел фурор. Командир, тоже уже изрядно подвыпивший, медленно его разворачивал. Затем продемонстрировал всем присутствующим, кто еще был в сознании. Ахи и охи долго звучали по залу. Затем кэп сгреб меня в охапку и долго обнимал, царапая мои щеки своей жесткой щетиной. В конце попойки наиболее крепкие на руках отнесли его в командирскую машину. Следующая моя встреча с командиром произошла только лет через двадцать, в «Одноклассниках».

По сей день мне дорога характеристика, написанная при аттестации на меня его собственной рукой. «За время прохождения службы в должности начальника медицинской службы полка проявил себя, как грамотный, дисциплинированный и старательный офицер. Показал высокий уровень специальной, политической и военно-практической подготовки... Приказы, Уставы и другие руководящие документы знает в полном объеме, применяет их требования в повседневной деятельности... Быстро ориентируется и умело действует в сложной обстановке, лично дисциплинирован, уме-

ло руководит подчиненными. Имеет высокий уровень методической подготовки, умеет учить и воспитывать подчиненных...» и так далее, в том же духе.

Исполнять обязанности командира стал его заместитель, подполковник Сергей Курбатов. Дивизия по прежнему находилась в подвешенном состоянии. На здании местного районного совета красное знамя уступило место сине-желтому. Над штабами полков дивизии, по-прежнему висели знамена красные. Таблички на зданиях тоже сохранялись в красном цвете, только вместо СССР сменили надписи на СНГ. Все понимали, что, видимо, долго так мы существовать не сможем, но и выход нам снизу не просматривался.

В других частях и подразделениях гарнизона, не подчиненных дивизии, типа понтонно-саперного батальона, прокуратуры и тому подобное, денежное содержание офицеры получали как и мы, в украинских тампонах, но в полтора-два раза больше, потому что они были уже в украинском подчинении. А мы в тех же фантиках, но по соотношению к российскому рублю. Получалось, что мы и здесь были ущемлены.

Раздел 98 ВДД

Владимир Озерянин

см. ФОТО:1.Советские офицеры 299 пдп. 2.Офицеры ВСУ после раздела дивизии.

Зима подходила к концу, а вместе с остатками бессарабского, быстро тающего снега, поползли, и слухи о том, что дивизию будут выводить в Россию. Для меня, в течении года, это уже была вторая эпопея с выводом-не выводом, оставлением на месте, и тому подобное, и это было уже чересчур. Начинали руки опускаться от этой нервозности. Затем они сменились другими, более устойчивыми разговорами, что дивизию будут как- то делить между Украиной и Россией.

В голове тут же стали роиться новые мысли:

«Как поступить? Остаться здесь или податься с дивизией в очередные, неведомые края?»

Тем более, что в Украине тогда было более-менее спокойно, а окраины Ельцинской России продолжало трясти. Особо на слуху была Чечня с ее попытками уйти в самостоятельное плавание.

При ее упоминании у меня перед глазами всегда всплывали угрюмые, полубритые лица молодых чеченцев в Грозненском аэропорту с волчьим сверканием глаз и таким же оскалом клыков. И это уже после того, как я уже ранее упоминал о Ельцинском разрешении брать всем желающим суверенитета столько, сколько смогут проглотить. Лично у меня возникали опасения, что снова могу оказаться в какой-нибудь «самостоятельной» карело-чукотской республике.

Как всегда, самые упорные слухи стали подтверждаться фактами. В дивизию зачастили высокопоставленные гости. Сначала прощупывали настроение офицерского состава на предмет желания служить здесь, или переводиться в Россию всей дивизией, или как-то делиться. Был зафиксирован и такой случай. Во втором батальоне моего теперь 299 парашютно-десантного полка случайным образом весь офицер-

ский коллектив подобрался из украинцев, включая комбата. Видимо, они скучковавшись, долго думали и надумали объявить батальон украинским, а по возможности и всю дивизию. Начали вывешивать жовтоблакитный прапор над штабом батальона или же бегать с ним по полку.

Командование дивизии напрочь просоветское и пророссийское, оно смотрело на эту суету, как на происки дикарей. Командир батальона, до того считавшийся одним из лучших, тут же был зачислен в разряд самых худших. Даже группа солдат, настроенных пророссийски, сбежала поездом, правда, успели проехать лишь пару остановок от Болграда, выражая свой протест против службы Украине. Их вернули, уговорив, что ничего такого не произойдет, зато командование батальона теперь кинулось в бега и оказалось в Киеве, естественно, с жалобами на притеснение. Там их пожалели, пригнали и оставили во вновь создаваемых подразделениях правительственной охраны, то есть офицеры нашли себе теплые местечки.

Паша Грачев, теперь уже с закрепленным погонялом «Мерседесс», переговорив предварительно с Ельциным, принял, видимо, для себя решение о том, что надо дивизию разделить. Как он сам нам говорил, потому что, мол, мы не можем такое боевое, с железобетонными традициями соединение, оставить полностью в Украине, она нам и самим

нужна. В качестве министра обороны России он прибыл сначала в Киев, а там для переговоров по дивизии, ему определили спарринг-партнера генерала Лопату.

Вот в таком составе, естественно, с группами клерков рангами пониже, они и прибыли в дивизию. Как уже было заведено, собрали офицеров в клубе нашего полка. Если для всех Болградских офицеров эта процедура была в диковинку, то для меня только что пережившего подобные собрания в Фергане, создавалось впечатление, что процесс просто продолжается, только его перенесли на несколько тысяч километров в другое место.

Генералы ведь все были еще вчерашние, советские. Так или иначе пересекались по службе. Были знакомы лично или имели общих друзей и знакомых, поэтому на наших глазах они беспрерывно похлопывали друг дружку по плечам, шутили, подтрунивали, сыпали шутками и прибаутками. Могло сложиться впечатление, что здесь собрались закадычные друзья, сейчас подчиненные накроют стол, все хорошенько посидят, выпьют, споют, переночуют и разъедутся по местам службы, но это только непосвященный мог так подумать. На самом деле протекали глубинные процессы по развалу и расколу, разрыву того, что складывалось веками. Разрыв этот шел по нашим душам и телам. Он кровоточил и сильнейшей болью отдавался в наших сердцах.

Я не мог спокойно смотреть на широко улыбающегося Грачева. Он к этому времени уже урвал свои «Мерсы». И не только при выводе войск из Германии. Тысячи эшелонов проследовали в степи и пустыни глубинной России. Сотни тысяч офицеров и их семей теперь мыкались без жилья под открытым небом. А он здесь перед нами изображал радушие и благодушие. Еще совсем недавно, точно так же, он был готов бросить нас на произвол аборигенов в Узбекистане.

А сейчас, с его фальшиво улыбающегося рта, прозвучала формула:

«Пятьдесят на пятьдесят».

Он говорил:

– Товарищи, мы со своими украинскими коллегами пришли к общему компромиссному решению по разделу дивизии. Технику и имущество поделить поровну, а офицеры и прапорщики должны добровольно определиться, кто остается и кто примет решение на передислокацию в Россию. Мы уже даже определили место будущего расквартирования дивизии, это будет город Иваново.

Я окинул глазами по залу, чтобы оценить реакцию при-

сутствующих на эту информацию. Головы почти всех сидящих, резко поникли, опустились вниз. Каждый задумался о том, каково будет жить, и служить после благословенной, и по южному, теплой Бессарабии в довольно северном городе ткачих. Я для себя решил тогда сразу, нет не поеду, остаюсь. Будь что будет. Надо отдать должное, что во время этого совещания никто и никого не агитировал, не уговаривал и никаких благ при переезде или тем, кто не никуда не поедет, не обещали. Прошло более двадцати лет с тех пор, а я так и не пойму, правильным ли было мое решение тогда.

Затем последовал то – ли приказ по дивизии, то – ли просто указание на составление списков тех, кто желает переехать в Россию. Списки составлялись и утрясались долго. Минимум пару недель. Были целые трагедии в семьях, потому, как трещина шла и через них. Где-то муж, а где то жена и дети желали уехать, а другая половина остаться и наоборот. Кому – то родственники угрожали, что откажутся от него и проклянут, если он посмеет уехать. Вариантов было много и всяких. Мне никто в этом вопросе не мешал. Просто мотаться по свету я очень устал, и твердо заявил на всех уровнях, что остаюсь на месте.

Много «чистокровных» украинцев подали заявки на перемещение. Не меньше «русских» и русскоязычных приняли решение остаться в Украине. И никто никого в глаза ни разу,

по крайней мере я этого не слышал, не упрекнул. Процесс разделения душ прошел мирно, спокойно и в благожелательной обстановке. Технику и имущество поделили между государствами по – братски, поровну. Все боевые машины десанта 217 парашютно -десантного полка остались на месте, а 299 полк забрал с собой. Колесную технику и прочее имущество – пополам.

Естественно, что все «недвижимое» имущество осталось на месте. Медицинскую технику и имущество не делили вообще. Да и если честно, то там было нечего делить. Санитарный транспорт был древний и убитый. Аппаратура тем более вся была такая убогая, что ее и делить – то было бы смешно. На каждый эшелон, убывающий в Иваново, выделялся для сопровождения медик из убывающих, вот они -то и брали с собой укомплектованную медицинскую сумку.

А эшелонов железнодорожных было не много и не мало, целых двадцать семь полнокровных составов. Кроме того были отдельно и колонны колесной техники. Перевозили, в первую очередь, имущество семейных военнослужащих. Затем -технику, вооружение и боеприпасы. Много чего накопилось за двадцать три года пребывания дивизии в Болграде. Для тех, кто не в курсе, дивизия в 1969 году была передислоцирована в Болград из города Белогорска Амурской области.

Наш 300-сотый парашютно - десантный полк, дислоцировавшийся в Кишиневе, разводился и переводился отдельно от основной массы дивизии. Его тоже делили с Молдавией. Не знаю в каком соотношении, но кое – что из техники и вооружения оставили Молдове. А люди, как и у нас, по желанию. Передислоцировали тот полк в город Абакан неведомой мне Хакасии.

Артиллерийский полк, находившийся в Веселом Куту, тоже поделили. Да так, что если и до того там было дико и тоскливо, то осталась просто пустыня.

Я с учетом решения оставаться, продолжаю решать текущие вопросы. Занимаюсь косметическим ремонтом медпункта. А для этого договорился с заведующей на складе КЭС* дивизии, получить краски, известь, смолу, цемент и прочий расходный материал.

Беру личный состав, побольше различной тары, загружаемся в санитарный УАЗ. Склад занимал довольно обширную территорию почти рядом с полком. За ремонтно-восстановительным батальоном. Подъезжаю и застаю такую картину. Стоит колонна Камазов и идет активная погрузка на них этого самого кэсовского имущества. На мой вопрос заведующая ответила, чтобы я пока схоронился в сторонке и не светил-

ся, потому что с минуты на минуту должен подъехать ЗКТ полковник Гиомидов. А он будет очень зол, если увидит, что кто-то пытается и себе отщипнуть от его, как он считает, собственного пирога.

Действительно, через пару минут возле КПП склада при- тормозил УАЗик и из него вывалилась туша дивизионного зама по тылу.

– А ты чего здесь торчишь? – сразу же задал он мне во- прос. Видать, до сих пор помнит тот эпизод, когда я накатал акт на сгнившее мясо в складах военторга.

– Да вот, для ремонта медицинского пункта полка, имею желание получить некоторые строительные материалы, – от- вечаю, даже не прилагая полагающегося в таких случаях сло- восочетания «товарищ полковник». Такой ответ сразу же дал ему понять, что я остаюсь здесь, а в Иваново не уезжаю. По- тому что те, кто собрался переезжать, уже ремонтом местной недвижимости не занимаются. Его жирное лицо аж переко- сило, потому что я отвечал ему с определенным налетом хо- лодка и отстраненности в голосе.

– Не там ты собрался получать, для тебя здесь ниче- го нет...

– Ну, почему же, я по накладным, все законно. Не для себя, в отличии от некоторых.

– Что!?! Ты на что намекаешь!?

Мне сосед, старлей из ОБМО, за стаканом вина на днях проговорился, что уже несколько колесных колонн с различным имуществом дивизии полковник отогнал в село Холмогоры. Да, то самое, откуда родом знаменитый Ломоносов. А наш «застенчивый» воришка оказался его земляком. Вот под шумок раздела он и накапливал свой первичный капитал.

– Я ничего не намекаю, только констатирую.

– Пшел вон отсюда! – взвыл ворюга. А сам достаточно юрко нырнул под навес КПП, понимая, что если продолжит словесную перепалку с этим въедливым капитаном, то может много – чего сорваться в его планах.

Я подождал в машине, когда он уедет. Получил со склада все, что у меня было в перечне. При этом заведующая, которая, видимо, тоже никуда не собиралась уезжать, с охами и вздохами поплакалась мне, что этот такой- сякой ее буквально ограбил до нитки. Все, что он забрал с этих складов ни в каких документах по разделу, не значит.

– Сначала он с помощью всевозможных махинаций списал огромное количество материалов, а затем вывез в неизвестном для меня направлении, – поскулила матерая прапорщица.

Но так как я был по прежнему очень маленьким бугорком, да еще и неизвестно какого военного формирования, то посчитал, что меня это не касается. В дивизии, среди тех, кто оставался, было предостаточно таких, кто непосредственно отвечал за это имущество, включая военную прокуратуру, но они, видимо, имея свой откат и помалкивали.

О масштабах воровства в подразделениях тыла на тот момент говорит хотя – бы такой маленький общеизвестный факт. Зкт дивизии, начпрод, начвещь и начальник ГСМ приобрели одновременно только что тогда появившиеся в продаже по моде сезона, Жигули – девятки. Все четверо, в одночасье. Задаю вопрос начальнику вещевого службы дивизии, капитану Кожановскому в присутствии пяти офицеров:

– Дима, ну как же так? Открыто, нагло, не таясь, на глазах всей дивизии вы тащите все, что не попадя?

– А ты как хотел? Сидеть на берегу речки, и не замочить в ней ножки? – открыто и нагло заявил сей, видимо, далеко не лучший представитель всегда уважаемого мной белорусского народа. Оставалось только пожать плечами, и в очередной раз пожалеть, почему я в свое время даже не подозревал, что имеются какие – то тыловые военные ПТУ, по окончании которых можно было вот так недурно пристроиться в этой жизни.

Все имущество семей и дивизионное, было отправлено по назначению. Многие были проведены по документам так, что, якобы, отправлено в Россию, а на самом деле осталось здесь. Или же наоборот, записано что, оставлено здесь, а убыло по закромам тех, кому оно не принадлежало, включая стрелковое оружие. Этому способствовал, и кстати, вспыхнувший молдавско-приднестровский конфликт. Много чего было, якобы, направлено туда на подавление.

По частям зачастили прощальные пьянки-банкеты. В полку тоже был накрыт длинный стол. По одну сторону сидели все, кто уезжает, по другую, в меньшинстве, те что оставались. Мероприятие прошло на достойном уровне, без мордобоя. На следующий день, на обычном утреннем построении, убывающие прошли вдоль строя и пожали руку тем, кто оставался. В замыкании шел подполковник Курбатов со своей ослепительной, белозубой улыбкой. Произнес прощальные слова, заскочил в кабину служебной машины. Раздался прощальный сигнал и он выехал с территории полка. Ворота КПП захлопнулись вслед за ним, тем самым закрылась и советская страница истории 299 парашютно – десантного полка.

Пока еще на месте оставалось управление дивизии. Меня вызывают в штаб соединения. Какой – то тыловики-генерал

с Киева. Так сказать, уже представитель новой украинской армии. А так как медицинская служба по прежнему подчинена управлению тыла, то именно они и решают нашу судьбу. Генерал ведет прием в кабинете заместителя командира дивизии. Штаб вообще перенасыщен снующими по нему генералами и полковниками из Москвы и Киева.

Стучусь, захожу, представляюсь.

– Товарищ капитан, я пригласил вас на собеседование по поводу назначения на должность командиром медицинского батальона, - ошарашивает меня с порога генерал-майор. – Надеюсь, вы не будете возражать?

Не знаю, что там отразилось на моем лице, но он продолжил:

– Все вновь созданное командование дивизии рекомендует на эту должность только вас.

Вновь создаваемой дивизией в это время «командовал», майор из ВДС-ников, Василий Мостыка. Я уже знал, что командиром дивизии хотят назначить полковника Олега Бабица, бывшего моего командира 299 полка. Того самого, который когда-то обещал открутить мои придатки, если за пять дней не построю возле медпункта бассейн. Все последние пять лет он был начальником штаба дивизии. И вот ему сделали предложение, от которого он, видимо, не смог отказаться.

ся. Предложили возглавить украинскую дивизию. И он, соответственно, набирал свою команду, но он пока еще в Киеве не был утвержден.

Оказывается, за должность командира медицинского батальона разгорелись нешуточные баталии. Медицинская служба ОдВО, в подчинение которой мы теперь автоматически, территориально подпали, уже всячески пыталась всучить своего выдвиженца. Бабич же был категорически против варягов, тем более не служивших в ВДВ. Вопрос даже стоял так:

– Или мой выдвиженец, или вообще пошли все вдаль.

– Вы присаживайтесь, товарищ капитан. У вас вопросы есть?

Я помнил, что все предыдущие командиры батальонов, с которыми мне приходилось сталкиваться в Фергане, Пскове, Болграде и прочих местах, были уже мужики в возрасте за сорок, поэтому с моей стороны последовал только один вопрос:

– Товарищ генерал, может я еще молод для этой должности?

– А сколько вам?

– Тридцать пятый, товарищ генерал.

– Отлично! Самый раз, товарищ капитан. И я уверен,

что вы справитесь. Все, идите и готовьтесь принимать дела и должность. Приказ на днях последует.

С собеседования иду в кабинет начмеда дивизии. Нужно напоследок выяснить позицию моего московского начальника. Мой куратор, эпидемиолог ВДВ полковник Солнцев за время моей службы в полку уже стал начмедом десантных войск России. Бывший начмед полковник Гребенюк удачно переместился на должность начмеда одной из армий в ЗГВ. Так теперь называлась бывшая ГСВГ. Ему под покровительством Паши «мерседеса» было позволено под вывод войск и перед пенсией пополнить индивидуальные «золотые запасы».

Поднимаю трубку ЗАСа, связь с Москвой еще не оборвали, и прошу соединить с «Рубином», а у тех в свою очередь, прошу начмеда ВДВ, еще теоретически надеясь все – таки на то, что, возможно, меня будут уговаривать, чего – то обещать.

– Здравия желаю, Вячеслав Леонидович! Вас беспокоит капитан Озерянин.

– Здравствуй! Ты мне ответь, едешь или остаешься? – задает вопрос в лоб, без предисловий, мой куратор. Прошел год с тех пор, как мы с ним общались, но голос за это время не изменился.

– Остаюсь, – отвечаю я без экивоков.

– Тогда нам не о чем говорить.

На том конце провода раздались короткие гудки. В его голосе я уловил нотки обиды и огорчения. Вот и все, быстро и конкретно. Пуповина была безжалостно обрезана. Проситься назад не в моей натуре. Глубокий выдох и ухожу, как приказано- готовиться к приему новой должности.

А пока жизнь в полку начинает круто меняться. Начинается формирование нового военного организма, под названием «Первая аэромобильная дивизия ВС Украины». В ее составе вместо бывших полков, две бригады на базе полков, плюс артиллерийский полк и все обычные, специальные батальоны. Мой 299 парашютно - десантный полк переименовывается в 45-ю аэромобильную бригаду. А 217 полк, соответственно, теперь называют 25-й воздушно - десантной бригадой. Медицинские пункты полков переназывают медицинскими ротами. Начальником штаба бригады становится подполковник Лисовой. Временно исполняющим обязанности командира бригады ставят бывшего, уже довольно поношенного, заместителя командира полка по тылу подполковника Виктора Перетокина.

На освободившиеся вакансии теперь уже в бригаде начали в массовом порядке прибывать офицеры и прапорщики. Это было что – то с чем – то. Вместо бывших стройных,

поджарых, без единой лишней жировой клетки, десантников, в часть начал ползти сброд со всей бывшей Советской Армии. Это были офицеры-украинцы, которые служили где угодно и кем угодно, но только не в ВДВ.

Коротышки с отвисшими животами, кривыми ногами и лысыми черепами дегенератов. Или наоборот, слоны, вес которых за сотню и более. Здесь были представители доблестного стройбата и космических войск, артиллеристы и даже иногда морпехи, трубопроводчики и кинологи. Лично у меня волосы становились дыбом, потому что всю эту накипь мне в медбате предстояло пропустить через медицинскую комиссию и определить их годность к службе в десантных войсках.

А ведь они прибыли сюда не просто так. Перед тем, как попасть сюда, в конец даже украинской географии, они пытались, как истинные хохлы пристроиться в местечка пожирнее, но их везде забраковали, потому на тот период с офицерскими кадрами в украинской армии, в отличии от узбекской, был явный перебор.

Среди них было очень много местных офицеров и прапоров. То есть с Одесской и прилегающих к ней областей. Было предостаточно призванных на службу и непосредственно с Болграда. Это значило, что несмотря на непригодность к службе в этих специфических войсках, они будут всеми

правдами и неправдами цепляться за последнюю возможность дотянуть до пенсии. А мне предстоит ставить свой автограф, под заключением комиссии, а затем за них отвечать.

На бригаду прислали начмедом подполковника из местных, Болградских, и я передаю дела и должность ему. Сам отправляюсь принимать медицинский батальон. Здесь временно заруливал начальник медицинского снабжения дивизии, из таких же, как и я, оставшихся от старого состава. Капитан Кошель – из краснодарских обрусевших хохлов, тоже был не прочь покомандовать медбатом, вот только кадровики разжевали ему, что ВУС* у него не тот, ну, не имеет права аптекарь командовать докторами, и все тут, несмотря даже на то, что новоиспеченный комдив числился давно у него как бы в друганах.

И тут на батальон прихожу я, тот, кого Одесса не знала и знать не желала, а командир дивизии ставил только потому, что давно знал, как не самого удобного, но за отсутствием более покладистых, вынужден был согласиться. Принимаю должность и приступаю к работе.

Правда, еще через пару дней наступил последний аккорд по завершению раздела дивизии. Штаб и управление дивизии не нашли лучшего места для расставания, как коридор поликлиники медбата. На правах хозяина помещения, и как бывшего сослуживца по штабу, пригласили и меня. Спирт-

ное и холодные закуски накрывали за счет присутствовавших за столом, а на горячее расщедрился командир батальона, то есть я. По уже сложившейся традиции, с одной стороны, слева от входа сели убывающие, а справа – остающиеся.

Долго произносили душещипательные тосты и заверения в вечной любви и дружбе, не смотря ни на что. Женщин за столом не было, а посему музыки и танцев тоже не было. Зато пели от души все украинские и русские застольные. Кто-то затянул новомодный шлягер Газманова «Офицеры». Мне было смешно и неприятно смотреть на начвешца дивизии Диму Кожановского, который громче всех выводил ругавды «Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом!». Да уж, именно его откормленная ряшка находилась под «постоянным прицелом». Разве что у прокурора гарнизона? Да и то вряд ли... И это поет о чести тот, который на днях откровенно сознавался в том, что невозможно усидеть на берегу реки и не замочить ноги. Подразумевая под этим, что невозможно, находясь по службе при народном имуществе, нельзя из него не потянуть по максимуму себе.

А слова все того же шлягера «Офицеры, россияне!», четко ставили раздел по этому столу между вчерашними сослуживцами на россиян метрополии и аборигенов вчерашней колонии, которые здесь остаются. Я и мне подобные уже не имели права претендовать на «гордое» звание ель-

динского россиянина. Когда пели эти слова, то специально смотрел за выражением лиц офицеров – россиян, которые по тем или иным причинам, вынуждены были остаться в Болграде. Здесь были чисто русские вятичи и волжские татары, удмурты и буряты. Основная причина, почему оставались русскоязычные – банальная, это те многие, что пережились на местных барышнях, красавицах – болгарках и гагаузках. У некоторых были могилы родителей, и тому подобное. Очень грустно выглядели их лица. В то же время «чистокровные» запорожцы и полтавчане с киевлянами, которые собрались переезжать, демонстрировали, как минимум, свое превосходство над теми украинцами, которые оставались. В общем и целом, не очень веселые проводы получились. Кто-то кого – то даже за грудки через стол потянул, но их быстро умили более трезвые.

На второй день последний стол был накрыт на аэродроме перед посадкой на борт российского командования 98 воздушно-десантной дивизии, улетавшего в Иваново. Картина грустная, и все время тогда казалось, что это временно, что завтра-послезавтра все вернется обратно, восстановится мощь дивизии и заживем, как прежде. Увы, к былому возврата не случилось. Последние объятия, крепкие рукопожатия, даже скупые мужские слезы. Все, взревели турбины последнего российского ИЛа на плитах Болградского аэродрома. Мелькание лиц в иллюминаторах, мы помахали им вслед

рукой. На этом эпопея по разделу одной из мощнейших дивизий ВДВ СССР завершилась.

На этом закончился и мой период службы в Советской Армии.

ВУС*-воинская учетная специальность.

Моя служба в ВСУ

[Владимир Озерянин](#)

Я комбат.

см. ФОТО: Корпус помещений стационара медицинского батальона.

Пока я страдал и переживал по поводу ее раздела, дивизия начинала худо-бедно возрождаться из пепла. Личного состава, исключительно из Украины, призвали в обычном количестве. То есть, не смотря на отсутствие нормального питания, формы, тепла в казармах, пять – шесть тысяч душ, оказались снова в наших казармах. И в то же время практичный народ без дела не сидел. Многие хитроумные, особенно местные, старались воспользоваться моментом и хоть что – то урвать себе от сложившейся ситуации. Лозунг офицеров – болгарцев того периода: «Под сидячую задницу, крепляк (крепленое вино) не течет». Кто-то урвал должность пожирнее, кто-то, пользуясь неразберихой при делении, материальными средствами разжился. Лет только через пятнадцать-двадцать стала всплывать информация о том, кто и чего хапнул.

КИРПИЧЕНКО

Первым украинским офицером, которого я встретил на кпп полка, когда уже уходил в батальон, был новый начальник социально – психологической службы (СПС) дивизии, по старому начпо. «Эспээсники», так в украинской армии быстро обозвали бывших замполитов. То, что я увидел перед собой, повергло меня в шок. Даже не мог себе представить, что нечто подобное могло существовать в бывшей Советской Армии. А ведь были и такие. Целый полковник, ростом не более метр пятьдесят, с рылом хряка, хрюкая и размахивая всеми четырьмя конечностями, руководил бригадой солдат, которые развешивали на стенах проходной новый украинский агитационно-наглядный материал.

Будучи по натуре равнодушным к любому художественному изображению, притормозил, чтобы посмотреть на картинки, которых доселе никогда не видел. Там мелькали тризубы на желтоголубом фоне и жизнерадостные улыбки украинских солдат на постановочных фото.

– А вам чего, товарищ капитан? – прохрюкало это карикатуроподобное существо в мою сторону. Я даже опешил, когда разглядел его полинявшие моргалки под мохнатыми бровями на бабьей морде, тем не менее, перехватив дух, отвечаю:

– Да вот, зацепился глазами за непривычные картинки.

– А вы кем будете? – с какой – то спесью и одышкой в голосе прошепелявил полковник.

– Капитан Озерянин. В настоящее время сдаю должность начмеда бригады и принимаю должность командира медицинского батальона.

– А-а-а, так это ты, тот самый капитан, ну-ну..., будем знакомы, я – начальник СПС дивизии, полковник Кирпиченко, – руки оно при этом не подало, делая вид жуткой озабоченности выполняемой работой.

«Советские замполиты-начпошники хоть и с предубеждением, но не гнушались с капитанами поручкаться. Вот она, зарождающаяся украинская, армейская элита», – вздохнул я.

Я сделал вывод, что он обо мне где – то и что-то уже слышал. Видимо, когда обсуждалась моя кандидатура о назначении на должность. Потоптавшись для приличия еще с минуту в комнате посетителей, бегу дальше по своим делам.

Вскоре мне в руки попала одна из центральных украинских газет с огромной, на четыре страницы статьей, где на полном серьезе рассматривались идеи переустройства всей армии Украины по образцу Запорожской сечи. Предлагалось ввести курени, сотни, атаманов, и соответствующие звания, сотников, есаулов, роевых и тому подобное. Там же предлагалось заменить привычное и равноправное обраще-

ние между военнослужащими, слово товарищ, на разобщающее, мое ухо дерущее, словечко «пан». Многие вышестоящие армейские чины, тут же стали примерять к себе это дико звучащее «пан- полковник», «пан —генерал». Большинству полковников и генералов, выползших на верх из плебеев это понравилось, а холуи тут же стали поддерживать идею, аплодируя ей стоя.

Не задержалось и появление новых образцов украинских «статутов» (Уставов), где уже рядом с товарищем, пока скромно, в скобках, было проставлено (пан). Так сказать, пробный шар был запущен, потом они будут еще меняться под смену власти, и не раз. Сначала слово пан уберут даже из скобок, останется гордое – товарищ. Затем наоборот, снова из ВС попрут товарищей. И так до сих пор идет перетягивание этого каната.

МЕДИЦИНСКИЙ БАТАЛЬОН

Или то, что от него сохранилось. На всю дивизию после раздела осталось всего семь врачей, в то время, как по старому штату их было пятьдесят четыре. Из этих семи, четверо было в батальоне. Сохранился только почти весь средний медицинский персонал, да и тот возмущенный тем, что ими будет командовать «бандеровец»... Осталось и десятилетиями накапливаемое старое и изношенное имущество и техника. Начальник медицинского снабжения дивизии метил в комбаты, поэтому имущество, которое себе в закрома утащить не успел и не распродал, более – менее сохранил.

Остро стал вопрос о поиске медицинских кадров. Увы, в Украине не то, что своей медицинской академии, но даже зачуханного военно – медицинского факультета не было. В данном случае, видимо, метрополия предусмотрела этот вопрос заранее, а колония в свое время не позаботилась.

А когда неожиданно пришел принимать батальон, то пришлось констатировать, что мне досталось самое настоящее разбитое корыто.

Не смотря на то, что минимум, треть врачебного состава были, якобы, украинцы, они предпочли перебазироваться

в холодную Россию, чем оставаться в теплой Бессарабии...

Но и это не все. Как оказалось, на должность командира ОМедБ есть еще и конкурент. Его прислали из Одессы, пока я барахтался в полку-бригаде. Оказалось, что наша вновь создаваемая дивизия из бывшего московского подчинения, в украинской армии была переподчинена в прямое распоряжение ОдВО. Так сокращенно, все еще по – старому, назывался Одесский военный округ. С центром и всей администрацией, естественно, в Одессе, а там имелся свой медицинский начальник с огромным медицинским штатом клерков, протирающих штаны, которым вдруг судьба подкинула в распоряжение полнокровную десантную дивизию.

Многие из этих медиков-управленцев сами только прибыли в Южную пальмиру из самых разных точек бывшего Союза. Естественно, что понаехало их больше, чем могли уместить даже раздутые невероятно штаты. И все они притянули с собой, кроме наворованного, еще и своих холуев. Вот и начмед округа полковник Нетребко прибыл на эту должность из Прибалтийского округа. А его замы, один из ДальВО, второй из СГВ (ГСВГ). Тоже все полковники. Донченко, прямой заместитель, Кулибаба, зам. по лечебной работе.

Жирные такие котики, не в прямо смысле слова, хотя и не без того, а в плане того, что поддохматившиеся в преж-

них местах службы... Повидавшие в этой жизни многое и многих. Вот эта троица и стала формировать медицинский климат в округе. Донченко привез из Дальнего востока одного из своих заносивших ему хвост – капитана Яцыка. Его то они и спланировали пристроить на медицинский батальон нашей дивизии. Совершенно не интересуясь обстановкой в дивизии. Абсолютно никто из них не приехал в Болград, не вник в проблемы медицинской службы дивизии. Главное, что они быстренько, по звонку, узнали о, якобы, вакантной должности комбата. И тут же нашли своего ставленника на эту должность.

Оформляя всевозможную макулатуру по приему-сдаче дел и должности, пробегаю по внутреннему дворику штаба дивизии. Кто-то из знакомых офицеров-кадровиков, попав мне на дорожке, говорит:

– А к тебе прибыл капитан на должность комбата.

– Не понял, а я на какой должности?

– Ну, не знаю, Одесса какого – то своего прислала.

– А где он?

– Да вон, сидит в курилке, – показывает мне рукой на капитана, похожего на цыгана, который в это время судорожно затыгивался дымом сигареты. Переживал, видимо. Я сам тогда был черный, как осмол, а этот еще чернее. Да и волосы

курчавые у него. Чистый цыган. Он заметил, что мы ведем речь о нем и засуетился. Встал, подбежал к нам, спрашивает:

– Вы, Владимир Кириллович?

– Да я, он и есть.

– Разрешите обратиться? Капитан Яцык. Прибыл к вам на должность командира медицинского батальона.

– Кто вас прислал?

– Медслужба Одесского округа.

– Передайте вашей медслужбе, что они совсем мышей не ловят. Эту должность в настоящее время принимаю я.

– А как же мне быть? У меня ведь предписание, – скривился, как среда на пятницу, капитан.

– А вот прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик, пойдем к командиру дивизии и решим этот вопрос.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и быстрой походкой направляюсь в штаб. Капитан вприпрыжку скачет за мной. Поднимаемся на второй этаж и заходим в приемную комдива. Там уже восседает, недавно назначенный- денщик прапор Чайкин.

– Вам к командиру?

– Да.

– По какому вопросу?

– По кадровому.

– Сейчас я у него спрошу.

Прапорщик скрылся за дверью кабинета командира. И через пару секунд выскочил.

– Проходите.

Заходим. Я здороваюсь, представляюсь и кратко излагаю суть складывающейся ситуацию. Яцк топчется слева от меня.

– Чтоо!??? – реакция командира была настолько бурная, что мой напарник вжал головку в плечики.

– Капитан! Уматывай туда, откуда тебя прислали! Ты меня понял!?

Капитан вылетел из кабинета пулей. Полковник схватил трубку телефона.

– «Нарвик!*». Соедините меня с медслужбой округа.

Через несколько мгновений окружные медики ответили.

– Мне нужен начмед округа. Здравствуйте, товарищ полковник. Вы кого мне здесь суете комбатом!?

На том конце провода, видимо, начали расхваливать своего протеже.

– Товарищ полковник, у меня есть свой, не хуже вашего! Он служит в ВДВ уже двенадцатый год! У него своя специфическая, десантная подготовка! А ваш пехотинец, понятия не имеющий в наших войсках! Да, мой, уже назначен, и уже

практически принял должность! Так что извините.

И бросил трубку.

– Ишь, чего вздумали... Пошли они подальше! Иди и заканчивай прием должности, – это он уже бросил в мою сторону. Я вышел в приемную. Под дверью все еще топтался приезжий капитан.

– Вопрос решен. Вы можете ехать обратно, – кинул я ему, и мы разбежались. Как потом оказалось, не так уж и надолго.

БАСЮЛ

Хорошо, что в двухстах метрах находился все тот же гарнизонный госпиталь на семьдесят коек. Он сохранился в полном комплекте по своему штату. Вот на него и легла первая нагрузка по медицинскому обеспечению вновь формируемой дивизии. В этом были свои плюсы и минусы. Плюсы были в том, что он худо-бедно справлялся с оказанием медицинской помощи личному составу. Значительный минус в том, что госпиталь был со своей боевой историей. Дислоцируется в Болграде много десятилетий. Врос корнями в местную обстановку. Врачебный состав, не говоря уже о среднем медперсонале, начиная с командира госпиталя, в основном, местные и напроць коррумпированные.

Когда началась эпопея с профессиональным отбором прибывающего офицерско-прапорщицкого материала, была сформирована смешанная гарнизонная военно-медицинская комиссия. В ее состав вошли врачи госпиталя и те, что остались в дивизии после раздела. Подполковник Басюл, начальник военного госпиталя, тут же попытался подмять комиссию под себя, потому что можно было иметь навар от желающих проскочить в дивизионные ряды, не смотря на негодность по параметрам, предусмотренным наставлениями по отбору личного состава в ВДВ.

– Озерянин, смотри и слушайся меня. Видишь мой живот? – при этом он поглаживал правой рукой свой курем* килограммов на пятьдесят плюс к остальному туловищу, – вот сюда я каждую неделю закладываю, примерно, по одному барашку. А на тебе же одна кожа да кости. Будешь меня слушаться и делать, как я, тоже быстро начнешь округляться.

Такой краткий поучительный монолог состоялся у меня при первом знакомстве с опытным руководителем местного военно – медицинского учреждения. И хотя я знал этого Басюла давно, но так, мимоходом, потому что раньше нам конкретно пересекаться не приходилось.

– Нет, товарищ подполковник, это не мой стиль руководства. В этом отношении у нас видимо разные пути – дороги, – наотрез заявил ожиревшему гарнизонному медицинскому «царьку», без экивоков.

– Ну, и зря ты так, здесь по другому нельзя.

– Поживем, посмотрим, кто из нас прав.

Мне не хотелось рубить с порога отношения, которые еще и не наладились. При этом прекрасно понимал, что наш служебный и жизненный опыт не сравнить, но и идти на поводу у проходимца не собирался.

У меня был маленький опыт наблюдения за работой командиров этого и Ферганского медбатов, но он был косвенным опытом. Даже и мысли никогда не допускал, что самому придется влезать в эту шкуру. Если уж так случилось, то нужно было играть роль. Снова же, наблюдая со стороны за работой командиров линейных батальонов и дивизионов в полках и отдельных батальонов дивизии, тоже кое-что отложилось в черепушке за мои четырнадцать лет службы. Решил идти по этому пути под любимым девизом нынешнего моего командира дивизии О. Бабича: «Мягким хреном порядок в доме не наведешь!»

Идти, сочетая принципы кнута и пряника. С преимуществом, кнут ежедневно, а пряник по большим праздникам.

Реакция подчиненных была мгновенная, но пока за глаза. Только вечные стукачи, осмеливались донести глас вопиющих «О ужас! На батальон пришел бандеровец! Он же всех нас замордует!» Такова была реакция «любимых» подчиненных на мои первые шаги в командовании батальоном. Пришлось официально перед строем предупредить, чтобы сильно не переживали, но и не рассчитывали, что порядки будут, как при прежних комбатах – «демократах». Насильно, мол, никого в батальоне не держу. Благо, желающих послужить в «халявном» медицинском подразделении среди среднего медицинского персонала в окрестностях не дефицит.

КОЗЛЮРА

Как всегда, даже в такой, небольшой части, найдется оппозиция и тот, кто ее возглавит. В данном случае в батальоне служила прапорщик, начальник секретной части Козлюра Галина. Из местных проходимок, умевшая пролезть без мыла в самую узкую щель. Будучи замужем за нормальным мужчиной, уже имела двух детей, но встретила очередную любовь, пригрела на своей груди могучей одного из валенковзамполитов. Развелась с мужем, который скорее всего был этому рад и вышла снова замуж. Обладая неплохими кулинарными способностями, подобрала из-под забора и прикормила у себя дома никогда нормально не питавшегося полковника, который теперь стал комдивом. Все это мне донесли своевременно виконты-доброжелоны.

Вот она, невесть что возомнившая, теперь и возглавляла, опираясь на муженька – подкаблучника, которого удачно пристроила в этом же батальоне начальником штаба, подпольно тех, кто желал пролежать не шатко ни валко на укромных должностях в батальоне. А о каждом моем движении поперек течения тут же доносила на самый дивизионный верх. И снова надо отдать должное Олегу Бабичу, ни когда – то в полку, ни теперь на дивизии, он не реагировал на бабский скулеж каким – то мгновенным действием, но ин-

формацию на ус наматывал и учитывал.

Пока я копошился в полку, а потом в бригаде, пока сдавал старую и принимал новую должность, незаметно для меня в штабе дивизии появился мой новый начальник. Начальник медицинской службы дивизии майор Главачек. Он настолько вел тихий образ жизни, что я не сразу и узнал о его существовании. До прибытия в Болград, майор уже возглавлял медицинскую службу в одной из прибалтийских десантных дивизий. То есть был не новичком на своем месте. Возможно, что это у него был такой стиль в работе - вести себя неприметно. А может причины были и в другом, которые проявились немного позже.

Даже знакомство наше состоялось настолько буднично, что я и не запомнил, как это произошло. Есть такая категория индивидуумов, умеющих вести неприметную жизнь-существование, но при этом иметь от нее все. Поселился он пока временно, в одном из пустующих кабинетов поликлиники. Мне было не привыкать к новым начальникам. Главное, чтобы не дурил и не сильно мешал общему делу.

В связи с вакансией целого ряда должностей в батальоне, оголился перечень проблем. Оказалось, что некому непосредственно работать с личным составом срочной службы. Их было хоть и не много, всего восемнадцать человек, но, тем не менее, это были солдаты и сержанты. А они требуют

определенного внимания, их ни в коем случае нельзя бросить на произвол. Часть дислоцируется в самом центре города, зажата между районным советом и районным домом культуры. Соблазнов предостаточно. А посему, кроме всего остального, приходилось, чуть ли не ежедневно возиться с ними с подъема до отбоя. Прапорщики-старшины свое дело знают, но они тоже нуждаются в контроле.

ЖИДЛЕНКО

Потихоньку, да помаленьку, из под заборов, то есть, в основном, с гражданки, начали прибывать врачи. У каждого понятий в службе ноль, зато гонору и самомнения выше крыши, но пришли и военнослужащие, даже мои знакомые по учебе в академии, но не десантного профиля. Среди них один крендель Болградский, Жидленко. Я случайно запомнил, когда он у меня ходил дневальным во время дежурств по факультету, потому что слово Болград в нашем взводе уже было тогда на слуху, а он о нем где – то упомянул в разговоре. Оказалось, что он родом отсюда. После выпуска служил в Монголии и других точках Союза, но приезжая в отпуск, сталкивался со мною в Болграде пару раз. И я ему тогда еще в шутку говорил, что, мол, хватит мыкаться по диким краям, переводись к нам, в ВДВ, будешь дома служить. На что он тогда с ухмылками отвечал, что никогда и ни за что не пойдет служить в Болград, и тем более в ВДВ. Я ему в таком же тоне отвечал, как в воду глядел, что, мол, никуда ты не денешься, придется. И вот он приполз с просьбой принять его на должность лор-врача, так как уже имел специализацию по этому профилю. Пришлось принять, хотя теперь это уже было и не в моих интересах, потому что он сразу же начал демонстрировать свою офигенную автономность-независимость. Ну, да ладно, я и не таким крутым рога обламывал.

До поры до времени он, конечно, таился и особо не демонстрировал противостояния, но оппозицию потихоньку в подполье сколотил и возглавил ее. Правда, проявилось все это не сразу, а только, через пару-тройку лет. Терпели «бедаолаги» долго.

А служба на месте не стояла. Личным составом соединение было укомплектовано до штатного количества, а это тысячи и тысячи человек. Среди них, как было всегда, не смотря на молодость и отбор основного контингента, больные найдутся. Койки в отделениях не пустовали никогда. Терапия и хирургия, дерматология, палаты с лор-больными, стоматологические и офтальмологические... и все те же энурезники. Эти были, есть и будут.

Пока крутился и напрягался в батальоне, дивизия восстанавливалась после ампутации по самые уши, относительно быстро. Согласно приказу Минобороны Украины от 5 мая 1993 года в Болграде на базе 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизии началось формирование 1-й аэромобильной дивизии ВС Украины. В состав дивизии вошли 25-я воздушно-десантная бригада, созданная на базе 217-го гвардейского парашютно-десантного полка и 45-я аэромобильная бригада на базе 299-го гвардейского парашютно-десантного полка, соответственно. Быстро воссоздали и артиллерий-

ский полк в Веселом Куту. Недоставало только полка, который когда – то дислоцировался в Кишиневе, но с учетом всех отдельных спецбатальонов, развернутых в Болградском гарнизоне, его отсутствие на медицинской нагрузке никак не сказывалось.

Присягу новый состав дивизии принёс 5 июня 1993 года. Будучи случайно по каким – то делам на территории бывшего 299 полка, а теперь 45 бригады, столкнулся с майором Стояновым, начальником строевого отдела части.

– О! Владимир Кириллович! Вот вы – то, мне и нужны. Поставьте вот здесь ваш автограф.

В руках он держал толстый, амбарный, журнал.

– Что это? – спрашиваю без всякого интереса.

– Так как вы до сих пор еще не исключены из списков части, – скороговоркой тарыхтит он, – вам надо расписаться о том, что приняли украинскую присягу. Если у вас есть время и желание, то можете подождать торжественного мероприятия и принимать вместе со всей дивизией. Под гимн и барабанную дробь.

– Давай, где мне поставить свою закорючку?

Теперь у меня всегда времени не хватало на реальную работу, а не то, чтобы отвлекаться по торжествам. Майор с готовностью развернул талмуд, дал ручку и ткнул пальцем

в строчку. Черкнув не глядя, побежал дальше. Так вот буднично и на ходу пришлось формально переприсягнуть второй раз в службе.

После раздела дивизия долго находилась в подвешенном состоянии формирования. Многим строевым воякам это состояние даже нравилось. Никакой боевой подготовки. Нет занятий, нет учений. Приходи, отмечайся на службе, протирай штаны по кабинетам, получай свое месячное жалование в миллионах украинских тампонов и радуйся, что пристроился. Нам, медикам, конечно, без разницы, чем занимается солдат. Все равно в наряды и караулы ходит и болеет не меньше, чем от того, что он в полях или в стационарных условиях. Ну еще эспээсникам (замполитам) приходится отрабатывать свои часы, проводя «гуманитарную» подготовку. Для них это тяжелейшая нагрузка.

И вообще считают, что работают в дивизии только они.

Но в конце концов это надоело и нам и комдиву, а особенно верхним штабам. Они постоянно теребили с завершения формирования. Бабиш сдался и объявил, что 1 декабря 1993 года формирование завершил, хотя до нормального состояния было еще очень далеко. Уже осенью 1993 г. на Болградском полигоне было проведено десантирование личного состава и боевой техники (БМД-1, парашютные платфор-

мы с грузом) из Ил-76. В лучшие годы личный состав дивизии совершал до 11000 прыжков с парашютом из самолётов и вертолётов военно-транспортной авиации. И наша возродившаяся, почти приблизилась к этому показателю. Видимо, для отчетности ничего непонимающим в этом деле верхам нужны были эти цифры.

КОШЕЛЬ

Но меня это меньше всего касалось. А по сему предлагаю вернуться к делам медицинской службы. Пока я барахтался на уровне полка, то и понятия не имел, что происходит на уровне дивизии.

Подходит ко мне начальник медснабжения дивизии и давний «друг» комдива, капитан Кошель. Так, мол, и так, хоть и с большим опозданием, но я решил перевестись в Россию, на родину. А родом он был из Пятигорска. С командиром дивизии вопрос решен, прошу вас подписать мои документы.

– Вместе со мной, – говорит он, – принял решение о переводе и прапорщик, автотехник батальона Гарибов. Вот и его документы также.

Гарибов – идиот от рождения, но в свое время по благу устроенный на службу в батальон, крутится в сторонке.

– Ты точно и всерьез решил? – уточняю я у главного дивизионного аптекаря, – назад не попросишься?

Спрашиваю на всякий случай. Давно и прекрасно знаю что, капитан та еще продажная сука, но ведь справлялся он

как – то со своей службой до сих пор. А искать мне нового провизора, тоже проблема.

– Так точно, решил окончательно. Подпишите, пожалуйста.

Разговор происходит прямо у ворот КПП медбата. Заходим в помещение проходной и я подписываю ворох бумаг. Не могу же насильно препятствовать желанию офицера вернуться на родину.

Проходят сутки. Ко мне в кабинет просится прапорщик Череватый, исполняющий обязанности зампотеха батальона. Разрешаю, и он с порога меня ошарашивает докладом. С его слов выходит, что убывший в Россию капитан Кошель вместе с со своей шестеркой Гарибовым совершили гнусное преступление в период, когда Кошель исполнял обязанности командира батальона, а именно, слили топливо из всей колесной техники, числящейся за батальоном. И продал его, умотали за границу.

Теперь на мне повисло полторы тысячи зеленых америкосовских гривен. Немедленно еду в парк вместе с прапорщиком и убеждаюсь, что реально все баки пустые. Такого подвоха со стороны пилюлькина не ожидал. Мчусь с рапортом к комдиву. Он чухает репу, упрекает меня, мол, куда же ты смотрел. Я переминаюсь с ноги на ногу, опустив свои яс-

ные в пол. Мол, виноват, не ожидал такого поворота. Ставил свою подпись после вашей. Полковник обещает разобраться, и как-то покрыть ущерб. А часть без горючего не боеготова. Медбат по тревоге не сможет выехать из парка, заправить нужно немедленно.

– Ладно, ступай, к утру я приму решение, – говорит он.

Выхожу из кабинета. А к утру вопрос был решен теми, кто его и создал. Кошель с Гарибовым вернулись вспять, потому что на их малой родине им дали пинка под зад. Оказалось, что никто их там не ждал. И эти два вора приперлись назад. Сначала посетили командира дивизии, а затем приползли и ко мне в кабинет, как те два мышонка из диснеевских мультв. Мол, прости ты нас, Леопольдушка. Виноваты, восстановим, честной службой смоем и т. д. Только примите обратно. Не хотелось мне поднимать шум у прокурора, хотя и следовало бы. Да ладно, я не кровожадный. Мой старый принцип-постулат гласит: «Живут же мухи, пусть и эта мразь существует».

Продолжаю комплектовать батальон врачами. Дал объявление в некоторые одесские газеты. Мол, так и так, есть такая знаменитая десантная дивизия, в которой жуткий дефицит медицинских кадров. И пошли ходоки. Вся срань, которая не смогла найти себя в гражданской жизни, начала ти-

хонько стучаться в дверь моего кабинета. А какие профили на гражданке менее всего нужны? Нет, не угадаете. Менее всего востребованы там педиатры.

– Не может быть! – скажете вы. Нет, может, потому что работа с маленькими гражданами государства очень тяжелая, ответственная и неблагодарная, а поэтому некоторые из них решили, что работать с детками от восемнадцати годов и более будет намного проще. А так, как доктора у нас после институтов почти поголовно офицеры запаса, то и призываться в армию им намного проще.

Первым ко мне привели лейтенанта Цвигуна. Да, именно привели, он не сам пришел. Сначала в дверь кабинета уверенно постучался начальник артиллерии сорок пятой бригады майор Доков, с которым я до того тоже знаком не был, но, как оказалось, он был женат на сестре жены этого лейтенанта запаса. Вот он и привел своего сестролюбца. Да и не сам, а со своим общим тестем, потому что, оказывается, в одиночку ко мне даже по такому поводу было приходиться страшно даже майорам. Это они так рассказывали намного позже. Якобы, молва о моей строгости дошла до самых до окраин одесского военного округа.

После общения с майором я пригласил лейтенанта с дрожащими коленками. Педиатр был совсем еще сырой, об ар-

мии понятия не имел, поэтому брать его сразу в батальон смысла не было. Лейтенанты-врачи в армии должны начинать с азов, а азы у нас расположены в медпунктах полков или в медротах бригад. Для особо «одаренных» можно предложить отдельную спецчасть-типа какого-нибудь саперного батальона. Цвигуна решил отправить в медроту двадцать пятой бригады, хотя судя по выражению лиц сопровождающих родственников, они были не очень удовлетворены таким поворотом дела, но спорить со мной не стали. А так как там на то время отсутствовал командир медроты, то подсластил им пилюлю и предложил лейтенанту набивать шишки сходу, на что он и согласился от недопонимания.

Через пару дней после него, примерно, в том же ключе, прибыл второй педиатр, лейтенант запаса Палас. Он пришел сам, но от страха у бедолаги язык заплетался. Успокоил я его, как мог. Этого пришлось отправить в ту же бригаду младшим врачом. И так я вынужденно и параллельно работал еще и за начмеда дивизии, восполняя дефицит врачебного состава в войсковом звене.

Ну, а те, которые уже с миру по нитке наскреблись в батальоне, в каждую свободную минуту повадились повышать свой медицинский уровень, совершенствуясь игрой в нарды (шиш-беш). Ничего подобного раньше не замечал среди врачебного состава батальона в благословенные советские вре-

мена. Тогда врачи или занимались делом в рабочее время или же отдыхали семьями на природе. Многие занимались спортом, рыбалкой, охотой и т. д. А тут, видите ли, интеллектуалы собрались из всей бывшей Советской Армии.

Сделал замечание раз, хмыкнули, спрятались. Через пару дней снова сидят под навесом и тарахтят костями, как ни в чем не бывало. Предупредил, что конфискую коробку со снаряжением и накажу. Смотрю, то – то побормотали себе под нос и ушли по кабинетам. Проходит пару недель и ситуация повторяется. Подхожу, беру доску, ломаю и одеваю фанеру на голову старшему лейтенанту Подоляк, ординатору терапевтического отделения. Ах, сколько воплей и визга! Громче всех тьявкает мой коллега по альма-матер, доктор-лор Жидленко. Не обращаю внимания. Больше не приходилось видеть своих подчиненных докторишек за непотребным занятием в рабочее время.

МАРТЫНОВ

Стук в дверь кабинета. Смотрю, заходит давно забытая, но вроде знакомая морда.

– Разрешите, товарищ капитан?

«Да это же майор Мартынов, – вспомнил я. – Каким ветром, товарищ..»?

– Все также, по-прежнему майор, – подсказывает он мне. Это тот самый майор, мой бывший сосед по тридцатому дому, у которого я периодически смотрел и консультировал детей. А моя жена, медсестра детских учреждений, за ними вообще, постоянно присматривала. Он был заместителем командира медбата по воздушно-десантной службе. Это он пообещал мне, когда я убывал в длительную командировку, закрыть программу прыжков с одним недостающим, и бортонул меня, в результате чего в тот год я не получал двадцать пять процентов к окладу и год не был зачислен за полтора. Все это мгновенно пронеслось в голове.

– Слушаю внимательно вас, товарищ майор, – сухо отвечаю.

– Я, прибыв из Пензы, там теперь свужу, – именно так сказал, потому что у него была странная картавость. Вместо буквы «л», он выговаривал «в».

– Хочу перевезти контейнер со своими вещами на железнодорожный вокзав. Подсобите мне машиной.

– Надеюсь, вы ничего, товарищ майор, не забыли о наших с вами отношениях?

– А что я доужен помнить? – прикидывается он шлангом.

– Все вы прекрасно помните. В этом батальоне для вас никто и ничем уже не подсобит. Поищите дураков в другом месте.

Опустив уши, он, как тряпичная кукла, развернулся и выполз из кабинета. Чуть позже я узнал, что этот недорека еще и жену бросил с двумя детьми. Другая, в Пензе приглянулась.

НЕТРЕБКО

Как всегда нахожусь на рабочем месте в своем кабинете. Звонок внутреннего телефона. Дежурный по части сообщает мне, что на территории батальона находится начальник медицинской службы округа, полковник Нетребко. Вот черт, принесла нелегкая того, кого я меньше всего ожидал сегодня. И ведь без всякого предварительного предупреждения. Несусь на встречу с начальником, которого еще ни разу в глаза не видел. Штаб батальона находится на отдельной территории от основного корпуса батальона. И расстояние между ними около полторы сотни метров, если идти через городскую улицу по диагонали.

Строевым шагом подхожу к стоящему с моим начмедом дивизии полковнику с петлицами красного цвета. Для нас, привыкших к голубому, все другие колера режут и бросаются в глаза. Представляюсь и желаю здравствовать. Полковник кидает в мою сторону косой взгляд, явно недовольный. Руки не подает. Произносит тихим голосом в сторону майора Главачека:

– Это и есть тот ваш доморощенный комбат»?

Говорит, как о постороннем предмете, не учитывая мои

уши. Всем своим видом дает понять, что я для него никто. Понимаю, это месть за то, что комдив не принял того капитана, которого он пытался воткнуть на мое место.

«Ну, и хрен с тобой, золотая рыбка», – подумал я о полковнике.

– Заведите своих подчиненных в зал, я желаю пообщаться с медперсоналом, – отдает распоряжение одесский начальник в сторону начмеда дивизии. Я вроде как, остаюсь не у дел. Заходим в зал батальонной столовой, потому как другого, просторного помещения в моей части и нет. При входе полковника подаю команду смирно-вольно. Присаживаемся и внимаем речам нового для нас шефа. В течении двадцати минут он что там баламутил о трудностях, которые мы должны преодолеть, несмотря ни на что, под его чутким руководством. Ни слова об укомплектовании батальона врачами до полного штата, ни звука о новой санитарной технике и медицинской аппаратуре. Мне понятно. Выживайте как можете на том, что вам досталось от «нехорошей» Советской Армии. Так и убыл, не перекинувшись со мной ни словом. Заочно значит, назначил нелюбимым бастардом.

Понятно, что ехать служить в нашу Тьму-Таракань, желающих, даже по приказу, увы, нету. А нынешний одесский начальник еще и в обиде на комдива за то, что тот стал поперек

его воли, поэтому специально станет ставить палки тем, кто вдруг пожелает отправиться к нам добровольно.

ВОРОБЬЕВ

Время около восьми вечера. Собираюсь домой. Стук в дверь. Смотрю, на пороге появляется начальник службы ГСМ дивизии Анатолий Воробьев. Я еще мало с ним знаком, но бензин после развала Союза начинает входить в цену и, соответственно, те кто его распределяет, как говорил Райкин, становятся уважаемыми. Сам по себе гэсээмщик молодой, шубутной, любитель заложить за воротник.

– Разрешите, Владимир Кириллович?

– Да проходи, проходи...

– Тут такое дело, мне срочно нужна машина на полчаса.

Разрешите на вашей таблетке смотаться?

– Точно на полчаса? И сам ее пригонишь, и передашь дежурному? И мне доложишь по телефону, что все в порядке?

– Обязательно все так и сделаю, – выюном крутится он передо мною. Ответственным по батальону как раз был мой начальник штаба. Вызываю майора Кальсина и в его присутствии даю устное распоряжение выделить санитарный автомобиль временно майору Воробьеву. Ответственного предупреждаю, чтобы проконтролировал. Сам убываю на ночлег. Через час мой НШ звонит и докладывает, что ни майора, ни машины нет. В шесть утра доклад с тем же результатом. Пропал гэсээмщик с машиной и водителем. Еще через полчаса звонит мне один из прапорщиков дивизии и полушепотом

сообщает:

– Видел, как наша санитарная машина стоит на молдавско-украинской границе. А Толик Воробьев просит за ним приехать.

Запрыгиваю в ожидавший меня служебный Уазик и мчусь на молдавскую границу. Благо, до нее не более десяти километров. Со времен развала Союза граница по – прежнему, условная. Никаких там столбов полосатых с гербами еще не было. Зато дорогу перегораживала кривая, как наша жизнь, жердь. В Буджакских степях найти прямой и ровный кусок древесины – проблема. С одной стороны к ней было привязано пару кирпичей для противовеса, с другой, разноцветный, связанный узлами в нескольких местах, шнурок. Рядом, на обочине, стояла рваная лагерная палатка, а в ней находилась дежурная смена молдавских пастухов, которые изображали из себя ретивых погранцов. Чуть немного впереди и левее, через дорогу от палатки сиротливо стояла моя «таблетка». Передние колеса ее уперлись в коровьи кизяки рваными скатами и ободами.

Оказывается, что не смотря ни на что, у молдавских овцепасов был на вооружении так называемый, ментовский «ёж». На ночь они растягивали его через дорогу. С их слов понял, что они делали безуспешные попытки остановить вчера ве-

чером мчавшуюся в неизвестном направлении через заставу, в суверенную Молдову, украинскую военную машину. Махали руками и дрыгали ногами, но «нарушители» упорно игнорировали действия «мужественных» пограничников. В результате чего оба передние колеса, наехав на шипы, с громким взрывом испустили дух, а машинку выкинуло на обочину.

Подхожу к своей технике, за которую несу непосредственную ответственность. Внутри, в кабине, облепив капот, на моторе, как мухи, прилипло три тела. Сам Толян Воробьев, вся в белом, какая – то мадам, из Болградских ночных фей, и мой несчастный боец-водитель. Слов нет. Мне остается только презрительно посмотреть в глаза гэсээмщику. Он с подругой за ночь так замерзли, что на них смотреть жалко, а не то, чтобы еще чего – то там выяснять. Но делать нечего. Инструктирую бойца, чтобы безотлучно находился в машине и ждал, когда пришло за ним помощь. Пассажиров забираю с собою.

По дороге назад Воробьев клянется, что все расходы берет на свой счет. Довез их до центра. Через пару часов санитарную машину пригнали мои технари, заменив колеса. Воробьева через небольшой промежуток времени уволили по несоответствию занимаемой должности, и он куда-то исчез с моего поля зрения.

СЕКРЕТАРША

Прапорщик Ковзюра, начальник секретной части, заходит ко мне с жалобой. Обращает внимание на секретаршу-машинистку нашего штаба. А именно то, что она совсем от рук отбилась. В рабочее время за ней заезжает хахаль и увозит в неизвестном направлении. Приходится уделять внимание. И точно. Не проходит и дня, как на моих глазах дамочка нагло, в десять утра усаживается в какой-то «Жигуль».

– Стоять, жучка. Выйдите с машины, – прошу я ее, – и идите на свое рабочее место.

Она покорно, как курица, но с крайне недовольным видом, убегает в свой кабинет. За рулем сидит моложавый старлей, блондин пепельного окраса.

– Кто такой? Почему здесь? Куда собрался увозить мою сотрудницу?

– Старший лейтенант Ищенко! – со злобой и раздражением, отвечает он. Начальник штаба ОБДО. (Отдельный батальон десантного обеспечения). Хотел со своей подругой кофе попить...

– Так у твоей подруги вроде имеется законный супруг, – констатирую я.

– А мы давние знакомые...

– А ты вообще откуда в дивизию прибыл?

– Я местный, а служил в Донецкой области.

– Значит так, можешь дружить со своей знакомой сколько тебе угодно, но только вне рабочего времени. Ты меня понял?

По стеклянным гляделкам вижу, что понял, но с большим недовольством.

– Еще раз здесь появишься, будешь иметь большие проблемы. Да, и еще, учитывая твою должность, думаю, что ты сможешь приютить ее у себя в батальоне. Расстанусь без сожаления. Судя по его роже, идея ему понравилась. Больше долго с ним встречаться не приходилось. А через какое – то, небольшое время, мадам, действительно, перевелась. Даже не стал уточнять куда.

ПАНАЕТ

Пересекаю дворик своего штаба. Со скамеечки под забором вскакивает незнакомый капитан и принимает стойку смиренно. Смазливый на мордашку, черноусый, видимо, очередной из приезжих и ищущих себе место. Но не медик, эмблемы водительские.

– Товарищ капитан, разрешите обратиться, капитан Панает. Здравия желаю! Глазки бегают суетливо на смущенном смуглом лице, но первое впечатление производит положительное.

– Слушаю вас, товарищ капитан, – сухо отвечаю незнакомцу.

– Меня к вам направили со штаба дивизии. Сказали, что у вас в батальоне вакантная должность заместителя командира по технической службе. Возьмите меня, я справлюсь.

– Зайдите ко мне через полтора часа с вашим личным делом, тогда и поговорим.

Точно, в назначенное время, будущий зампотех батальона, стучался в дверь моего кабинета. Листаю его «стерильное» личное дело. Ничего особенного. Послужной список и характеристики с прежнего места службы только положительные. Учитывая, что техническую службу в батальоне до сих пор возглавлял прапорщик и неплохо справлялся, соглашаюсь на то, что капитан не будет помехой, и даю добро.

Пожалеть о своем решении придется через пару лет, но это уже будет совсем другая страница в повествовании.

Время бежит неутомимо. Провели массовую диспансеризацию всего вновь прибывшего личного состава, как срочной службы, так и всех офицеров и прапорщиков. Многих, несмотря ни на что, пришлось забраковать. Я привык, что в наших войсках, практически невозможно было встретить офицера в очках. Были один или два случая в советские времена- старые прапора на складах, которые уже дотягивали до пенсии, стесняясь, натягивали на свои репы окуляры. Сейчас же очкарики начали проскакивать и среди категорий помоложе. С условиями и оговорками, мол мы прыгать с парашютом не собираемся, на десантные льготы не претендуем, нам лишь бы служить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.